

Светлана Шёпот
Госпожа
Медвежьего
угла

Светлана Шёпот

Госпожа Медвежьего угла

<https://litres.ru/74501912>

SelfPub; 2026

Аннотация

Однажды Валентина Ивановна умерла в своём мире, а очнулась в чужом, в теле сироты, которую жестокие родственники держали при себе как служанку. Полуразрушенный дом и клочок бесплодной земли — её единственное наследство. Но Валентина не привыкла сдаваться, ведь даже в забытом богом углу можно выжить, если иметь терпение и немного настойчивости.

И да, спасение маленькой дочери опального герцога — это шанс на лучшую жизнь или начало новых проблем?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	39
Валентина знала, что мужчина был женат, вот только жену его давно никто не видел.	51
Когда Валенсия была маленькой, женщина ещё появлялась на людях, но с годами выходила всё реже и реже, пока не перестала совсем.	Глава 5
Глава 6	64
Глава 7	76
Глава 8	87
Глава 9	99
Глава 10	110
Г	125
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Светлана Шёпот

Госпожа Медвежьего угла

Глава 1

— Чего встала?! Отвар принеси, бестолковая! — За последние пару дней подобный окрик стал для Валентины Ивановны почти привычным.

Подумать только, ещё недавно она счастливо жила в своём доме, выращивая кабачки и тыквы, а теперь была вынуждена прислуживать худшим людям, каких только встречала в жизни. Что в первой, что во второй.

В своём новом теле Валентина очнулась совсем недавно и ещё не поняла: то ли она попала в другой мир, то ли по какой-то причине вспомнила прошлую жизнь. Возможен был любой вариант.

Последнее, что она помнила, — боль под лопаткой и тошнота. Затем темнота.

Пробуждение в холодной камерке на тонком соломенном матрасе стало весьма неожиданным. В первые пару часов Валя даже думала, что бредила или видела необычный сон. Крик и удар по руке от хозяйки дома доказали, что это не бред и не сон.

Добравшись до печи, Валентина взяла закопчённый чай-

ник и вернулась к столу, за которым сидела семья из шести человек.

— Ну? Чего медлишь? — спросила женщина сердито и прищурилась. Её лицо, покрытое ранними, но глубокими морщинами, от этого выглядело ещё более отталкивающим.

Валя всегда отличалась спокойным характером, но за два дня даже её терпение начало иссякать. Вместо ответа она методично разлила отвар по глиняным кружкам и поставила их перед каждым.

Меньше всего ей хотелось слушать неприятных людей, нрав которых оставлял желать лучшего, но ситуация была непростой, и Валентине приходилось сдерживать себя и терпеть ужасное обращение новой семьи.

— Совсем глупая стала, — заметила одна из сидящих за столом девушек. Ей было всего девятнадцать, но выглядела она гораздо старше.

— А когда Валеська умной была? — поддержала разговор ещё одна дочь тётушки. Этой в прошлом месяце исполнилось восемнадцать.

— И то верно, — согласилась первая, и обе захихикали, явно решив, что их шутка вышла забавной.

Валентина не обращала на их подначки внимания. В конце концов, в прошлой жизни ей давно перевалило за шестьдесят. Такие детские выпады её совершенно не волновали.

— Можешь идти, — милостиво отпустила её тётушка, побарски махнув рукой.

Вале хотелось закатить глаза от столь нарочитого жеста, но она просто отправилась к печи. Там её ждал завтрак, состоящий из куска чёрствой лепёшки и стакана тёплой воды.

Валентина не знала, что случилось с её предшественницей и куда подевалась душа девушки, но подозревала, что та умерла от недоедания. Это предположение основывалось на ощущении дикого голода при пробуждении.

Ей достались воспоминания, но их было не так уж много. То ли из-за попадания в другой мир часть памяти исчезла, то ли из-за вечной работы по дому несчастной сироте нечего было запоминать.

Валенсия — так звали прошлую хозяйку тела — была тихой и молчаливой, даже пугливой. В этом не было ничего удивительного, учитывая, что после смерти матери (случившейся, когда девушка была ещё ребёнком) её в этом доме постоянно «воспитывали».

По обычаям этой эпохи, Валенсию следовало выдать замуж — ей тоже недавно исполнилось восемнадцать, — но тётка этого не желала. Во-первых, она не хотела терять удобную и послушную прислугу. Во-вторых, в случае замужества полагалось отдать семье жениха приданое. Сплошные убытки.

Неудивительно, что тётушка даже слушать не желала, когда кто-то пытался свататься к племяннице. Такие случаи бывали, ведь девушка, несмотря на сильную худобу, обладала довольно привлекательной внешностью. Хотя сама она

так не считала — исключительно благодаря «заботе» родственников, всю жизнь твердивших Валенсии, что она ужасно некрасива.

Перспектив в деревне у неё не было, а уйти в город было страшно — Валенсия почти не видела мира за пределами родного села. К тому же она была слишком кроткой, чтобы сбежать.

Сама Валя пока присматривалась. Ей нужно было узнать больше, прежде чем планировать, что делать с этой неожиданно свалившейся на неё второй жизнью.

— Не стой столбом, блаженная! — крикнула тётка, вырывая Валентину из раздумий. — Совсем обленилась! Убери со стола немедленно!

Валя допила воду и направилась к столу, но дойти до него не успела: в дверь кто-то уверенно постучал. Это заставило её остановиться и посмотреть на остальных.

Судя по их лицам, гостей никто не ждал.

— Что стоишь? — сердито спросила тётка. — Открой!

Она выглядела нервной. Остальные тоже заёрзали на лавках. Их настороженность была понятна, ведь чужаков здесь не любили. Те часто несли опасность, особенно для жителей глухих деревень.

Валя надеялась, что за дверью не окажется какой-нибудь разбойник. Ей не хотелось терять новую жизнь так скоро. Но выбора не было, поэтому она всё-таки открыла дверь и сразу отступила, пристально глядя на людей на пороге.

Впереди стоял высокий мужчина, одежда которого сразу выдавала в нём священника. Тёмно-коричневое облачение, верёвка вместо пояса и крупный крест в круге на груди — всё это были отличительные знаки служителей веры в этом мире.

Второй посетитель заметно отличался. Он был ниже и полнее первого, а его одежда указывала на мирскую жизнь. На плече у него висела кожаная сумка, которую он аккуратно придерживал.

— Мир вам и благодать Создателя, — вежливо поздоровался священник.

— Мир и благодать, — ответила Валя.

Гостей следовало пригласить, но дом не был её собственностью, поэтому она промолчала.

— Какая честь! — громко воскликнула тётушка. — Почему не пригласила их войти, бестолочь? — резко спросила она у Валентины, но тут же забыла о ней. — Проходите, проходите скорее!

— Благодарю, — степенно ответил священник, скользнув глазами по Вале.

Тётка заметила это.

— Что ты стоишь? — рывкнула она. — Прибери со стола! Сколько раз я должна тебе повторять? — После этих слов тётушка смущённо улыбнулась пришедшим мужчинам. — Простите её, ваше святейшество, ленивая она совсем, да и глупая. Сколько учу, а всё без толку.

Священник ничего не ответил. Оба мужчины вошли в дом. Семья тут же принялась с ними знакомиться.

Валя тем временем убирала со стола, прислушиваясь к разговору.

Священника звали Алберик. Он действовал как душеприказчик. Второй мужчина, Гаспар, оказался городским писарем, уполномоченным заверять и хранить различные документы.

— И что же привело таких уважаемых людей в наш скромный дом? — растерянно спросила тётка.

— Для начала мы хотели бы убедиться, — взял слово писарь, — что прибыли к нужным людям. Нам нужна некая Валенсия, дочь Ивонны. Есть тут такая?

Как только он произнёс эти слова, воцарилось молчание. Хозяева дома быстро переглянулись. Валя не стала дожидаться, что те скажут, и шагнула вперёд.

— Это я.

Взгляды пришедших обратились к ней.

— Ох, и зачем она вам? — с недоумением поинтересовалась хозяйка дома, отталкивая Валу в угол. — Она ничего не понимает. Вы всё можете сказать мне.

Священник, услышав её слова, лишь хмуро посмотрел на неё, отчего тётушка едва не отшатнулась. Затем мужчина сунул руку в рукав, откуда достал тонкий тубус, запечатанный воском сверху и снизу. На нём красовались печати.

— Я прибыл сегодня, чтобы зачитать последнюю волю

Ивонны, дочери лесоруба Эльбрана, — пояснил он.

— Почему именно сегодня? — В голосе тётки послышалось подозрение. — Сестра моя давно уж померла.

— Воля её на то была, — сухо отрезал священник.

Тётушка Валенсии нахмурилась, но возразить столь важным гостям не решилась.

— Давайте сядем, — предложила она недовольно.

Вскоре все расселись.

— Поглядите, печати не сломаны, — взял слово священнослужитель и показал тубус. Тот был выточен из цельного куска дерева, а сверху покрыт тёмно-коричневым лаком.

Убедившись, что все увидели печати, мужчина ловко вскрыл их и извлёк рулон пергамента, перевязанный верёвкой. Развернув документ, священник начал зачитывать завещание.

— «Я, смиренное творение Создателя нашего, Ивонна, дочь лесоруба Эльбрана, будучи в здравом уме и твёрдой памяти, перед лицом Всевышнего и свидетелей выражаю последнюю волю свою: завещаю деде по имени Валенсия имущество моё, состоящее из дома под номером один, расположенного на окраине селения Камнесерд, в дальнем углу, и прилежащего к нему участка земли. Да хранит Создатель Валенсию. Мира и благодати тебе, дитя».

— Что?! — вскрикнула тётка, глядя на душеприказчика так, будто у него внезапно выросли рога. — У моей сестры есть дом и земля? Почему я не знала об этом?

Священник явно не был впечатлѣн её гневом. Он ровным тоном произнёс:

— Я лишь оглашаю последнюю волю усопшей, — его слова прозвучали с заметным холодком.

— Этого не может быть! — крикнула тётка, поворачиваясь к Валентине. — Ты...

— Тише, дорогая, — попытался успокоить жену глава семьи.

Валентина Ивановна сама была удивлена. Насколько она знала, Валенсия и не подозревала о наследстве. Или не помнила, ведь Ивонна умерла очень рано.

— Не затыкай меня! — От его слов тётка разъярилась ещё сильнее, но мужчина обнял её и принялся что-то шептать на ухо. С каждым его словом ярость женщины стихала. В конце концов она лишь бросила на Валентину взгляд, полный завистливой ненависти, и пообещала: — Разберусь с тобой позже.

Гости наблюдали за происходящим с интересом. К удивлению Валентины, тётушка унялась, но ненадолго.

— Никакой ошибки? — спросила она. — Моя сестра была бедна, как мышь. Откуда у неё дом? Нам чужого не надо. Вы уж проверьте.

Что-то подсказывало Вале, что эти слова были произнесены лишь для того, чтобы произвести хорошее впечатление, а не потому, что ей не хотелось присвоить себе чужую собственность.

— Никакой ошибки, — подтвердил писарь, доставая из сумки ещё несколько тубусов. — Это написанная моим предшественником копия завещания, — проговорил он, деловито протягивая один из пергаментов. — Можете проверить.

— Мы верим, — торопливо заверила его тётка. Валентина едва сдержала желание хмыкнуть. Конечно, верят — ведь читать в этой семье никто не умел. — А остальные?

— Это, — мужчина положил рядом с завещанием второй пергамент, — договор о покупке. А это, — рядом легла ещё одна бумага, — документ о владении.

Родственница Валенсии кивнула и наклонилась, явно желая забрать бумаги, но Валентина опередила её.

— Что ты делаешь? Отдай, я сохраню их для тебя! — требовательно бросила тётка. Выглядела она при этом так, будто не сомневалась, что она немедленно подчинится.

— Нет, — твёрдо произнесла Валя. — Это моё.

— Ты...

— Простите, но мы не закончили, — перебил её писарь.

Тётка тотчас остыла и угодливо улыбнулась.

— О, простите меня, грешную. Так неловко. Но понимаєте, она всегда умела вывести меня из себя. Невыносимое создание! Я вырастила её, и посмотрите, как она мне отвечает! — женщина всхлипнула, словно собираясь заплакать.

Валя покачала головой. Это движение привлекло внимание священника. Он некоторое время изучал её, а затем поджал губы. Холод в его взгляде стал более ощутимым.

— В любом случае, — безразлично продолжил писарь, не обратив внимания на представление, — по закону бумаги должен хранить у себя именно владелец, и никак иначе. Имейте это в виду.

— Но...

— Продолжим, — перебил он её, а затем, достав из сумки ещё пару пергаментов, перо и чернила, пододвинул всё это Валентине.

— Что это? — тут же отреагировала тётка. Казалось, она готова была броситься вперёд, чтобы на этот раз первой схватить бумаги.

— Свидетельство права собственности. Две копии. Дом и земля по завещанию перешли деве по имени Валенсия, мы должны составить документ об этом, — терпеливо пояснил он. И обратился уже к Вале: — Прочтите и, если всё в порядке, подпишите внизу. Рядом я поставлю свою подпись.

— Она не умеет читать, — пренебрежительно фыркнула тётка, очевидно, позабыв, что и сама не могла похвастаться этим умением.

Вместо того чтобы как-то отреагировать, Валентина взглянула на написанное. Она понимала.

Валя догадывалась, откуда взялся этот навык, ведь в памяти сохранились моменты, когда мать Валенсии обучала её чтению и письму. Но это было очень размыто в воспоминаниях, и Валя сомневалась, что способность сохранилась.

Читать она могла лишь по слогам, но сейчас даже это ока-

залось благом. Поэтому, не обращая внимания на язвительные смешки семьи, Валентина прочла написанное. И вскоре оба свидетельства были подписаны.

— Как ты?.. — ошеломлённо выдохнула тётка.

Валя не собиралась что-либо ей объяснять.

— Очень хорошо, — довольно пробормотал писарь и тщательно присыпал чернила мелким песком. Один экземпляр остался у Валентины, а второй он забрал с собой. — Сейчас нам необходимо увидеть, как новая владелица примет наследство.

Вале казалось, что подобное не должно было волновать городских чиновников, но спорить она не намеревалась. Ей не терпелось увидеть, что же так неожиданно попало в её руки.

Глава 2

Когда они вышли, Валентина Ивановна увидела неподалёку телегу, запряжённую гнедой лошадью. Сидевший на облучке извозчик при появлении священника и чиновника встрепенулся.

— Возвращаемся? — гнусаво спросил мужчина.

Вместо ответа писарь качнул головой и огляделся. Валентина тоже обвела взглядом окрестности. За два дня, проведённые в новом мире, ей довелось побывать за пределами четырёх стен, но она так и не успела толком осмотреться.

Дома в деревне были построены из посеревших от времени брёвен. Двускатные крыши покрывала солома. Вместо стёкол на небольших окнах везде красовались ставни. Позади домов находились сараи и дровники.

Зимы в этом мире были долгими, но не очень холодными, скорее напоминая затяжную осень с дождями, туманами и сыростью.

Несмотря на относительное тепло, людям всё ещё приходилось заготавливать дрова и платить за них ежегодный налог в казну. Добывали они их в горном лесу. Это занятие было довольно опасным — на каменистых склонах встречались не только хищные звери, но и бандиты, прячущиеся в пещерах от властей. Однако деваться было некуда, так как ближайший лес рос исключительно на склонах гор. Перед де-

ревней на многие километры простиралась холмистая местность.

Около поселения часть земли была засеяна пшеницей и просом. Непосредственно рядом с домами люди сажали капусту, репу, лук и чеснок.

Из-за долгой зимы урожай собирали один раз в год. Большую долю люди отдавали своему господину. Оставшееся делили на две части. Одну продавали в городе, покупая на вырученные деньги всё необходимое — от одежды до посуды и одежды. Вторую оставляли в семье на еду.

— Вы уверены, что вам всё-таки стоит идти? — с притворной заботой поинтересовалась тётка. — Вчера прошёл сильный дождь.

Она не соврала. Накануне действительно был ливень. Из-за этого земля между домами превратилась в настоящее болото.

Валентину это немного беспокоило, ведь у неё имелась лишь одна пара сапог, которые ей придётся носить, пока не подвернётся возможность заработать. Да и те не выглядели надёжными.

— Вы знаете, где находится дом номер один? — холодно поинтересовался священник.

Женщина, носившая красивое, по мнению Вали, имя Иглена, казалось, терзалась сомнениями. С одной стороны, она явно не желала даже думать, что племянница что-то получит, а с другой — ей до смерти хотелось увидеть дом, кото-

рый каким-то непостижимым образом оказался в собственности её покойной сестры.

— Должно быть, где-то там, — ответил вместо жены глава семьи, махнув рукой в нужную сторону.

— Как думаешь, чего это они? — услышала Валя неподалёку.

Голос принадлежал одному из соседей, которые почти висели на заборе и без стеснения наблюдали за ними. Впрочем, не только они обратили внимание на происходящее. Кажется, вся деревня собралась неподалёку от их дома, желая поглазеть на необычных гостей. Их сложно было винить за любопытство, ведь в этом месте редко что-то происходило.

— Стыд-то какой, — прошипела тётка, гневно указав пальцем на Валентину. — Всё из-за тебя!

— Идёмте, — позвал священник и зашагал по грязи, словно ему она ничуть не мешала.

При его приближении деревенские торопливо расступились, но никто не ушёл. Некоторые принялись хватать тётку за руки и громким шёпотом спрашивать, что происходит.

— Ничего, — сердито отмахивалась от них Иглена. — Из-за неё всё, — злобно добавляла она.

Поскольку пояснений не последовало, жители Камнесерда сочли своим долгом проследовать за процессией и всё узнать самостоятельно. Поэтому по грязной улице к окраине, окутанной лесом, потянулась цепочка людей разных воз-

растов.

Вскоре — деревня была небольшой — они остановились перед чьим-то двором.

Священник огляделся. Это был последний дом на улице. Однако жилище выглядело обжитым.

— Кто здесь живёт? — обратился писарь к толпе, явно осознав проблему. Дом оказался занят посторонними — это всё усложняло. Если житель не захочет покинуть незаконно занятое помещение, придётся вызывать городскую стражу.

— Ну я, — тихо ответил один из мужчин. Выйдя из толпы, он неуверенно посмотрел на священника, затем на писаря и растерянно поинтересовался: — А что?

Когда внимание всех присутствующих переключилось на него, мужчина нахмурился.

Насколько Валентина помнила, его звали Рожер Железная Рука, и был он местным кузнецом.

Его дом стоял на окраине, так как это было удобнее для заготовки дров в лесу, да и шум от работы меньше мешал жителям деревни. Руки у мужчины были обычными, но прозвище прижилось и стало чем-то вроде фамилии.

Как только он ответил, по толпе прошёлся шёпот. Всем было очень интересно, в чём провинился их единственный кузнец.

— Это дом номер один? — спросил священник у кузнеца.

Взгляд Рожера тотчас прояснился. Видимо, мужчина сам был обеспокоен происходящим.

— Нет, ваше святейшество, это номер два.

После слов кузнеца все одновременно повернули головы в сторону леса.

— Разве это не последний дом? — поинтересовался пи-сарь.

— Да там развалины ведь есть ещё! — крикнул кто-то из толпы.

— О, и то верно! — с энтузиазмом подхватила тётка. В её голосе звучало такое злорадство, что любому стало понятно, как довольна она была подобным поворотом.

Валя решила не расстраиваться, что бы ей ни довелось увидеть. В любом случае, на что-то хорошее она и не наде-ялась.

— Ну что мы стоим? — повеселевшим голосом спросила Иглена. — Идёмте скорее!

Она бодрым шагом направилась в сторону леса. Валенти-на не стала задерживаться и последовала за почти подпрыги-вающей на ходу тётушкой. Судя по звукам многочисленных шагов, деревенские жители посчитали, что без них никак не обойтись.

Было слышно, как люди то и дело пытались узнать, в чём, собственно, дело, но родственники Вали молчали, явно не желая говорить что-либо, не согласовав всё с Игленой.

Вскоре улица закончилась, и тропа повела в лес. По ней явно часто ходили. Ничего удивительного, ведь местные жи-тели постоянно заходили в горы. И не только за дровами,

но и за грибами и ягодами.

Охотиться в лесу разрешалось только на мелких животных вроде кроликов. Крупная дичь принадлежала знати, владеющей этими землями. Только аристократы имели право убивать оленей и кабанов. За нарушение правила карали — отправляли на рудники. Их в горах было достаточно, на всех хватало с лихвой.

Чем дальше процессия отходила от деревни, тем более заросшей становилась тропа. Вскоре она свернула вправо, но тётка по ней не пошла, а остановилась и махнула рукой в другую сторону.

— Туда нам, — произнесла Иглена и, окинув взглядом заросли, решительно двинулась дальше. Видимо, желание позлорадствовать перевешивало любой дискомфорт, который она могла испытывать из-за трудной дороги.

Валентина хмыкнула. Она не собиралась отговаривать женщину. Если той так сильно хотелось проложить путь, Валя не была против.

Чтобы добраться до дома, пришлось пройти пару десятков метров в глубь леса. Густые заросли вдруг сменились редколесьем, но и оно быстро закончилось. В просвете Валентина заметила какое-то строение. Что это такое, она поняла, когда они вышли на открытое пространство.

Это оказалась хижина.

Когда-то.

Сейчас дом, завалившийся набок, больше напоминал гру-

ду брёвен, покрытых тёмно-зелёным мхом. Двускатная крыша всё ещё каким-то чудом держалась, но в ней виднелись большие дыры. Часть брёвен лежала прямо рядом с домом. Кроме них, везде валялись крупные замшелые камни. Между ними бурно росли растения, а кое-где даже молодые деревья.

Иглена громко рассмеялась, а затем с торжеством взглянула на Валентину.

— Вот так дом!

Валя никак не отреагировала на это восклицание, хотя и сама понимала, что жить в таком месте невозможно. Велик был шанс, что остатки крыши не выдержат и всё-таки рухнут на незадачливого смельчака, решившего провести ночь в подобном месте.

— Это действительно номер один? — спросил священник у кузнеца.

Рожер почесал затылок и кивнул.

— Да, это первый дом, — подтвердил он всеобщую догадку.

Священник посмотрел на Валентину. В его глазах читалась жалость.

— Всё в порядке, ваше святейшество, — заверила его Валя и, перешагнув один из камней, направилась к дому. — Меня всё устраивает.

На самом деле она думала, что всё будет гораздо хуже. Всё-таки дом могли разобрать до самого фундамента. Даже

удивило, что осталась не только крыша, но и брёвна. Это явно было чудом.

— Ой ли? — мгновенно отреагировала тётка. — И как ты тут жить собралась, бестолковая? Не видишь, что всё рухнуло?

— Отчего же всё? — Валентина подошла к дому и положила руку на одно из брёвен. Оно было мшистым и прохладным. — Немного поправить — и можно жить.

Она лукавила — дом нужно было полностью разбирать и строить заново, но говорить это она не собиралась.

— Не дури! — одёрнула её Иглена. — Где ты тут спать будешь? Готовить?

— А это вас больше касаться не должно, — ответила Валя.

Обойдя дом, она заглянула в пустой проём. Полов не было. Валентина Ивановна сомневалась, что они вообще когда-либо существовали. Вероятнее всего, хижина изначально была построена с земляным полом. Сейчас тут густым ковром росла лесная зелень.

С одной стороны виднелись остатки печи. Вот её люди с радостью разобрали, ведь отёсанные до нужной формы камни здесь были весьма дороги.

— Что ты хочешь этим сказать? — потребовала Иглена, зло уставившись на Валу.

— Разве не ясно? — Валентина улыбнулась. — Вы ведь всегда говорили, что от меня одни убытки. Теперь можете спать спокойно. Обедать я вас больше не буду, так как те-

перь у меня есть свой дом.

Вале показалось, что чужое недоумение и недоверие, обрушившиеся на неё, можно было потрогать руками. Удивилась не только Иглена, но и другие жители деревни. Каждый из них счёл своим долгом посмотреть сначала на Валентину, а затем на полуразвалившуюся хижину позади неё. Было видно, что никто не одобрил эту идею.

— Перестань ерунду городить! — тётка быстро пришла в себя и, махнув рукой, презрительно фыркнула. — Любому понятно, что здесь ты жить не можешь, поэтому выбрось эту идею из головы и марш домой.

— Нет, — настояла Валя, сложив руки на груди.

Краем глаза она заметила, с каким любопытством, почти удовольствием, за происходящим наблюдали селяне. Им только попкорна не хватало для полной картины.

От её слов лицо тётки покраснело. Валя сомневалась, что Иглена смутилась. Скорее та была в ярости.

— Неблагодарная! — спустя пару мгновений тишины взвизгнула она и кинулась вперёд.

Валя напряглась, ожидая, что придётся отбиваться, но Брон — старший сын тётушки — перехватил мать.

— Отпусти меня! — разъярилась Иглена. Она вела себя так, будто считала, что Валя совершила что-то поистине возмутительное. — Жить она отдельно собралась! Ишь, чего захотела. А деньги, а? Кто мне вернёт деньги?!

Валентину очень интересовало, о чём шла речь. Насколь-

ко она помнила, Валенсия ничего у этой семьи не брала.

Люди, услышав про деньги, зашептались. Им тоже очень хотелось знать, о чём говорила Иглена. В селе, где каждая монетка на счету, разговоры о деньгах были такими же интересными, как и сплетни о личной жизни соседей.

— Да отцепись ты! Не трону я её! — бросила тётушка Брону.

Тот осторожно сделал шаг назад, но при этом продолжил наблюдать за матерью, время от времени нервно поглядывая на хмурого священника.

Когда сын отошёл, Иглена одарила Валю непримиримым взглядом.

— Значит, будешь жить здесь? — процедила она со сдержанным гневом.

— Да, — Валя кивнула, чувствуя подвох.

— Прекрасно, — выдавила сквозь зубы тётушка. — Но раз такое дело, то я хочу, чтобы ты вернула мне каждую медную монету, которую моя семья потратила на тебя за эти годы. Мы кормили тебя, поили, одевали! Двенадцать лет! Я своим недодавала! Мы жили впроголодь из-за тебя!

Валентина, услышав эти слова, на мгновение замерла, а затем покачала головой. Ей не стоило ожидать от этой женщины чего-то иного.

— Так ли это? — спокойно парировала она. — Ломоть хлеба и стакан тёплой воды — вот мой завтрак. Чашка супа и морковный корень — ужин. Это платье, что на мне, я ношу

уже пять лет, оно, как и прочие мои вещи, досталось мне от сердобольных соседей, которым вы не дали ни гроша.

— Это неправда! Клеветать на меня вздумала?! Не верьте ей! — закричала Иглена, нервно озираясь. — Всё совсем не так. Разве не видно, что мы хорошо к ней относились? Да и как иначе, ведь она родная нам, хоть и неблагодарная.

Вот только куда бы она ни посмотрела, везде натыкалась на скептические взгляды. Ничего удивительного в этом не было. В небольшой деревне всего с двумя десятками домов чужая семейная жизнь ни для кого не была секретом. Так что соседи отлично знали правду.

— Мы всегда заботились о ней! — настояла Иглена и, обернувшись к Вале, надавила: — Что ты молчишь? Немедленно скажи правду!

Вместо того чтобы ответить, Валентина лишь хмыкнула.

Судя по тому, как сузились глаза Иглены, она поняла, что ничего в этом плане не добьётся. Это только ещё больше разъярило её.

— Даже миска супа денег стоит! А сколько их было за двенадцать лет? Ты должна нам, поэтому сейчас забудешь о глупостях и пойдёшь домой.

— Нет, — не согласилась Валя. В толпе слышались вздохи изумления.

— Она всегда была такой? — пробормотал кто-то тихо. На него сразу зашикали, поэтому любопытствующему пришлось замолчать.

— Ты... — Иглена сделала шаг вперёд. Казалось, она готова была схватить Валю за косу и лично оттащить домой.

— Полагаю, нам стоит вмешаться, — внезапно заговорил священник, отчего тётка едва не споткнулась на ровном месте.

— Ваше святейшество?! — воскликнула она удивлённо, словно лишь сейчас вспомнила, что свидетелями происходящего были не только их соседи, но и совсем посторонние люди. Причём люди, облечённые властью. — Вы... это не то... — пролепетала Иглена и замолчала, растеряв весь запал.

— Думаю, я знаю лёгкий способ уладить разногласия между вами, — продолжил мужчина, не обратив никакого внимания на её бормотания.

— Какой? — поинтересовалась Валентина.

Ей очень хотелось узнать, что за выход из столь непростой ситуации мог предложить священник.

Глава 3

— Долговое обязательство, — пояснил он. — Вам просто нужно оплатить сумму, которую ваши родственники потратили на вас.

Валентина не могла назвать этот способ лёгким. Она даже на всякий случай осмотрела себя, но нет, старое потрёпанное платье и изношенные сапоги никуда не делись.

— Ха! — довольно выкрикнула Иглена. — Мне нравится эта идея! Что смотришь? — с весельем спросила она у Вали. — Думала, так просто можешь ободрать нас, а потом спокойно уйти, когда тебе вздумается? Хочешь жить отдельно? Хорошо, но для начала заплати за все годы, что ты жила у нас!

— И сколько? — поинтересовалась Валя, бросив на священника разочарованный взгляд. На короткий миг ей показалось, что он на её стороне.

Мужчина не стал отвечать, а лишь взглянул на писаря. Тот встрепенулся, словно до этого момента дремал.

— Говорите, ломоть хлеба и тарелка супа?

— Иногда и больше! — немедленно вклинилась Иглена.

— А иногда и меньше, — поправила её Валя.

Если ей действительно придётся платить за те объедки, которые всю жизнь доставались Валенсии, то Валентина не собиралась переплачивать.

— Тогда возьмём это за среднее значение, — деловито пробормотал писарь. — И то и другое будет стоить примерно две медные монеты. В месяц шестьдесят. В год семь серебряных и двадцать медных. За двенадцать лет... так... восемьдесят шесть серебряных и сорок медных монет.

Как только писарь огласил сумму, толпа ахнула. Ещё бы! Люди здесь даже медные монеты не так часто видели, предпочитая натуральный обмен. О серебряных и тем более золотых и речи не шло.

Иглена, услышав сумму, обомлела.

— Д-да, — от неожиданности она даже заикаться начала. Впрочем, момент ступора прошёл очень быстро. Почти сразу на её лице появилась жадность. — Да! Плати давай! А то ишь, собралась она уходить! А деньги кто отдавать будет? А? Нет, так не пойдёт!

Сказав это, она впилась в Валентину ожидающим взглядом.

— Не стоит торопиться, — снова взял слово священник. Валя в него верила слабо, но всё-таки с интересом прислушалась. — Эти деньги были потрачены за двенадцать лет, а значит... — он сделал многозначительную паузу, — и выплачивать их можно столько же.

Перед почти рухнувшей хижинкой воцарилась тишина. Слышно было только, как ветер шевелил листву на деревьях и играл в высокой траве. Где-то в лесу ухала птица и скрипело старое дерево.

— Это что же получается, — прогудел один из деревенских мужчин, — по две монеты в день ей и платить?

— Наверное, — неуверенно согласился с ним другой селянин.

— Это ведь хорошо... да? — голос мужчины был совсем тихим.

— Не знаю, — скептически заметил собеседник. — Как по мне, так ерунда это всё. Даже две монеты... Где она их возьмёт? Нет ведь у неё ничего.

— Так разве обязательно платить каждый день? — внешне вмешалась в разговор одна из женщин. — Он говорил, что выплачивать их можно столько же.

— А если не каждый день, то как? — не понял первый селянин.

— Потом, — пояснила женщина. — Как заработает, так и заплатит. Главное, в двенадцать лет уложиться. Верно я сказала, ваше святейшество?

— Я не согласна! — мгновенно отреагировала Иглена. — Пусть сразу платит! Не надо мне тут выдумывать. А вдруг она сбежит? И где мне её потом искать?

— Но вы ведь не сразу всю еду ей скормили, — осадил её священник.

Иглена покраснела от его слов. Валентина Ивановна была уверена, что от гнева. И судя по тому, как тётка сжимала кулаки, догадка была верной.

— Но это... — попыталась она привести хоть какой-то ар-

гумент, но не смогла. Слова никак не шли. Точнее, шли, но всё не те. В итоге Иглени пришлось промолчать. Она опасалась, что совсем сорвётся и накричит уже на святого посланника и на чиновника. За это вполне могли и штраф выписать.

— Вы согласны, что племянница может оплатить вам этот долг в любое время в течение следующих двенадцати лет? — настоял он.

Было видно, что Иглени не нравился такой вариант, но под давящим взглядом священника она только и могла, что выдать:

— Да.

— Очень хорошо, — мужчина довольно кивнул. — А что вы думаете? — обратился он уже к Валентине. — Согласны взять на себя этот долг?

— Прежде чем я отвечу, — начала Валентина, посмотрев на тётку, красную от гнева, — хочу узнать одну вещь.

Иглена нахмурилась в непонимании.

— Какую? — недовольно уточнила она.

Валя хмыкнула и задала встречный вопрос:

— Я хочу узнать, когда мне выплатят всё моё жалование?

Валя видела, что никто из присутствующих не понял, о чём шла речь. Спустя мгновение люди зашептались, пытаясь узнать у соседей, что именно она имела в виду.

— О чём ты говоришь? — прошипела Иглена. — Совсем разума лишилась? Ты не работала ни дня, какое жалование тебе платить?

Судя по тому, как согласно закивали люди в толпе, остальные думали так же. В отличие от них, священник задумался.

Валентина Ивановна улыбнулась и посмотрела на писаря.

— Скажите, господин чиновник, — начала она, привлекая внимание тучного мужчины. Судя по лицу, он не ожидал, что к нему обратятся.

— Да-да? — откликнулся он, пытаясь скрыть удивление. — Вы что-то хотели?

— Хотела, — Валентина кивнула. — Узнать, сколько в нашем королевстве получают в месяц, например, кухарки?

Вопрос заставил писаря озадачиться. Он явно не понимал, зачем ей знать что-то подобное.

— От трёх до десяти монет, — ответил он, несмотря на недоумение. — Зависит от места работы. Больше всего получают в королевском замке. Там за праздничные дни могут и золотом заплатить.

— Королевский замок нам ни к чему, — отмахнулась Валя. — Возьмём тех, кто работает на небогатые семьи.

Судя по вспышке понимания во взгляде мужчины, тот наконец осознал причину её вопроса.

— Такая работа оценивается примерно в три серебряные монеты в месяц.

— Очень хорошо, — Валентина улыбнулась. Она видела, что, кроме Гаспара и священника, никто ещё не понял, к чему она клонила. Даже Иглена. Тётка по-прежнему выглядела раздражённой, но не встревоженной. — Тогда скажите, ува-

жаемый господин, сколько в нашем королевстве зарабатывает прачка?

— Полагаю, вам неинтересно слышать о королевских прачках и тех, кто работает в богатых домах? — предположил он.

— Верно... — начала Валя, но её перебили.

— Чего это?! — выкрикнула одна из женщин. — Нам очень даже интересно!

— Тихо! — потребовала Иглена, уже изрядно раздражённая. — Ты тянешь время? — язвительно бросила она Вале и ухмыльнулась. — Это не поможет. Подписывай бумагу о долге! А коли не подпишешь, то иди домой и займись делом. Нечего честных людей отвлекать от забот!

Валентина лишь улыбнулась. Ей показалось, что у тётки от её улыбки дёрнулся глаз.

— Итак? — вместо ответа на вопрос тётушки Валя снова обратилась к писарю.

— Оклад примерно такой же, — отозвался тот.

— Иначе говоря, три серебряные монеты? — уточнила она, желая, чтобы он произнёс сумму вслух.

— Да. В одних домах чуть больше, в других меньше.

— Швея? — спросила Валя.

— Тут сложнее. — Писарь задумался. — Швеи обычно предлагают свои услуги разным домам. Но если упростить, то средняя семья в месяц тратит на услуги швеи от полушки до двух серебряных монет.

— Посудомойки?

— Чаще всего эту работу выполняют кухарки или служанки, — пояснил Гаспар. — В тавернах есть специальные работники, и им платят от двух до пяти монет. Зависит от уровня заведения.

— Вы упомянули служанок — сколько они зарабатывают?

— От пяти до десяти, — ответил писарь и, открыв сумку, достал бумагу с пером. — Желаете, чтобы я всё подсчитал? — услужливо уточнил он.

— Буду очень благодарна, — ответила Валя.

— Итак, работа кухарки — три монеты. Прачки — ещё три. Швея? — Гаспар вопросительно взглянул на Валентину.

— Давайте возьмём среднее значение — одна монета в месяц.

— Да, вы правы, среднее значение — самое подходящее, — пробормотал он и продолжил: — Ещё одна монета. Посудомойка — две монеты. Служанка — пять. Итого... — его голос стал неразборчивым, пока он не огласил: — Четырнадцать монет в месяц.

— И к чему всё это было? — требовательно наредила Иглена, теряя терпение. — Зачем тебе знать, сколько зарабатывают служанки и прачки? Хочешь устроиться куда-то, чтобы отдать долг? Не смейся! Да кто тебя возьмёт?

Валя не стала ничего говорить. Она махнула рукой, побуждая Гаспара продолжить.

— Четырнадцать монет в месяц — сто шестьдесят восемь

в год, и... — он замолчал, быстро что-то начёркал, а потом поднял взгляд, посмотрел прямо в глаза начинающей что-то осознавать Иглене и сказал: — Две тысячи шестнадцать серебряных монет за двенадцать лет.

Как только эти слова прозвучали, тётка ахнула, смертельно побледнела и отшатнулась.

— Ты... — выдавила она, ошеломлённо глядя на Валентину.

— Да, дорогая тётушка, — с улыбкой ответила ей Валя. — Вы всё правильно поняли. Это жалование, которое должна мне ваша семья. По крайней мере, его минимум.

Бледность быстро сошла с лица женщины. Испуг сменился злостью. Об этом говорили сжатые кулаки и сверкающие гневом глаза. Она выглядела так, словно готова была броситься вперёд и вцепиться в волосы Валентины.

Глядя на багровеющее лицо Иглены, Валя мысленно считала, ожидая, когда тётка взорвётся. Ждать долго не пришлось.

— Ты обезумела?! — закричала она, напугав стоящих рядом селян. — О чём ты говоришь? Какое жалование? Никто тебя не нанимал, чтобы платить!

— Так и я у вас никакой еды не покупала, чтобы сейчас быть в долгу, — спокойно парировала Валентина.

— Это другое! — бесстыдно заявила Иглена. — Мы не обязаны были тебя оставлять. Ты должна быть благодарна, что я не выбросила тебя за порог, когда моя сестра умерла!

Самое малое, что ты можешь сделать, — это заплатить за потраченную на тебя еду. А ты! Ты! Вместо того чтобы осознать, как тебе повезло, пытаешься... — она почти задохнулась от возмущения.

Интересно, действительно ли она не видела несправедливости в своих словах, или ей попросту было плевать?

— ...пытаешься ограбить нас, — закончила Иглена возмущённо. — Бесстыдная! Какая же ты бесстыдная! Ты требуешь от нас денег за то, что и так должна была делать?

Селяне тихо зароптали. Видимо, слова Иглены показались некоторым возмутительными, но прямо вмешиваться никто не собирался.

Валентина с каждой минутой всё больше осознавала бессмысленность спора. Как об стену горох — Иглена явно будет и дальше гнуть свою линию.

— Скажите, господин чиновник, в соседнем городе есть судья или за таким человеком нужно ехать в столицу?

— С-судья? — ахнула Иглена. В её голосе слышалась неуверенность.

— Зачем ей судья? — спросила женщина в толпе. — Разве хорошо беспокоить такого важного человека столь обыденными вещами?

— Верно! — торопливо согласилась тётка. — Чего это ты удумала? На семью свою в суд подавать? И не стыдно тебе? Как ты потом в глаза людям будешь смотреть?

— Не дури, Валesia! — прогудел один из мужчин. — Не

дело это — сор из избы выносить. Сами по себе всё решите, и с миром разойдётесь. Зачем важных людей беспокоить пустыми склоками?

Валентина понимала, почему селяне так встревожились. Взять, к примеру, дядьку, который говорил. Его звали Товин, и занимался он рубкой и продажей дров. Однажды Валенсия встретила его в лесу, когда тот разделявал кабана. Товин, естественно, испугался, ведь охота на таких крупных животных была запрещена, но Валенсии ничего не сделал, лишь попросил молчать.

И не только Товин промышлял подобной охотой. Валентина была уверена, что каждый мужчина в селе хоть раз, но приносил домой из леса что-нибудь покрупнее зайца.

В такой деятельности жителей деревни не было ничего удивительного, ведь Камнесерд располагался в глухом месте, куда ни один аристократ никогда не забирался.

— И как же вы предлагаете нам всё решить? — спросила Валя. Судя по тому, как нахмурился мужчина, он не знал ответа. Валя продолжила: — Судья — наш лучший выход из этого спора.

Толпа недовольно загудела.

— Не нужен нам судья, — настояла одна из женщин. — Пусть его святейшество всё решит! Честнее и разумнее мы никого не найдём.

— Хорошая идея! — согласились другие. — Да, пусть его святейшество скажет своё слово, а чиновник всё запишет!

Пусть они решают!

После этих слов все повернулись к двум гостям деревни. Валентина тоже посмотрела на них.

— Что скажете, ваше святейшество? — спросила она.

Священник ответил не сразу. Валя не собиралась торопить, а вот Иглена явно нервничала.

— Я скажу, что не дело это, когда между членами семьи такая глубокая обида, — заговорил он спустя некоторое время. — Но мои глаза и уши говорят мне, что примирение невозможно. Раз так, то поступить мы должны по справедливости. Для начала скажите мне, чего желаете вы?

— Пусть либо платит, либо возвращается домой, — выпалила Иглена.

Священник кивнул и перевёл взгляд на Валентину.

— Сначала я хотела просто уйти, но сейчас не буду против, если они заплатят мне за годы рабского труда.

От этих слов несколько человек в толпе охнули. Неудивительно, ведь рабство в этом мире было запрещено и строго каралось. По крайней мере, в их королевстве.

— Рабского?! Да как ты...

— Тихо, — перебил Иглenu священник. — Вы уже всё сказали, — бросил он. — Я вас обеих услышал. И раз вы отдали право решать мне, то я сделаю это, а вы подчинитесь, нравится вам это или нет. Между вами нет мира, а коли так, то вам следует разойтись и выплатить друг другу то, что причитается.

Услышав слово «выплатить», Иглена радостно вскинулась, но затем осознала всю фразу и отшатнулась. Она получит свои восемьдесят шесть серебряных и сорок медных монет, но при этом ей самой придётся отдать племяннице более двух тысяч...

— Вы... — начала она, желая разразиться гневной тирадой, вот только перед ней возникла чья-то спина.

Иглена не сразу поняла, что это был её муж, а, осознав это, собиралась накричать и на него.

— Не...

— Помолчи! Ты уже достаточно наговорила, — внезапно приказал обычно молчаливый мужчина.

Казалось, тётушка сейчас взорвётся, но нет — неожиданно она притихла, хотя теперь её гневный взгляд был направлен не на Валю, а на мужа.

Глава 4

Дядю Валенсии звали Иваром. Был он не слишком высок, но достаточно крепок. Лицо мужчины казалось недружелюбным. От солнца и ветра его кожа потемнела и загорела. Волосы напоминали солому и даже в самые хорошие дни выглядели грязными и растрёпанными.

Одежда Ивара была не лучшего качества. Все заработанные извозом деньги он отдавал жене, а та тратила их на себя и любимых детей.

Убедившись, что жена ничего не собиралась говорить, он посмотрел на Валентину. От его холодного взгляда ей стало немного не по себе. Мужчина явно был более опасным, чем казался.

— Что ты хочешь? — резко бросил он.

Валя пристально посмотрела на него.

— Я уже сказала, — холодно отозвалась она.

— Ты знаешь, что у нас таких денег нет и не будет, — произнёс Ивар. — Даже если мы продадим дом, этого не хватит, чтобы оплатить всю сумму.

— Ваша семья также знает, что у меня нет восьмидесяти монет, но это не помешало Иглене потребовать их от меня.

Мужчина отрывисто кивнул. Валентина заметила, как он покосился на священника, а затем вернул взгляд к ней.

— Она просто не хотела, чтобы ты уходила.

— Я заметила, — Валя хмыкнула. В толпе слышались согласные смешки. К этому моменту даже те, кто изначально не знал сути конфликта, всё поняли. — Только не надо убеждать меня, что её нежелание продиктовано заботой, — добавила она. — И вы, и я знаем, по какой причине ваша жена так против моего ухода.

Ивар нахмурился чуть сильнее, но ничего не ответил.

— Пойдёшь в суд? — спросил он, проигнорировав её замечание.

Валентина пожала плечами.

На самом деле вряд ли. Ей не хотелось проверять, насколько местные жители не желали видеть в деревне судью. В конце концов, на рудники не хотелось никому. Но прямо говорить об этом она не собиралась.

— Будем считать, что ты нам ничего не должна, — снова заговорил Ивар. Он явно воспринял её молчание как положительный ответ.

— Эй! — воспротивилась Иглена. Выскочив из-за плеча мужа, она гневно уставилась на него. — Как это «ничего не должна»?! С чего ты решил...

Она не договорила. Ивар схватил её за руку и толкнул в сторону сына.

— Уведи её домой, — приказал он. Его взгляд упал на напуганных дочерей. — И их тоже.

— Мама, идём, — немедленно позвал Иглему Брон. Взяв её за плечо, он настойчиво потащил женщину прочь. Селяне

расступились, позволяя им пройти.

Валя видела, с каким интересом люди наблюдали за ними.

— Итак? — спросила она, когда родственники скрылись за деревьями.

— Я уже сказал: мы можем считать, что ты нам ничего не должна, — повторил Ивар и продолжил: — А наш долг... Таких денег у нас нет.

— Вы можете выплачивать постепенно, — предложила Валя.

Ивар качнул головой.

— Ты готова ждать десятилетиями? Учти, Иглена не оставит тебя в покое все эти годы.

Он был прав. Тётка отличалась въедливым нравом. Она не простит и будет изводить бесконечными скандалами.

Можно было уехать, но денег не имелось, а для обустройства на новом месте их требовалось немало. Да и для молодой девушки в эту пору путешествие в одиночестве могло стоить очень дорого.

Валентина обвела взглядом хижину. Жить в ней в таком состоянии казалось невозможным, но это всё ещё был её собственный кусок земли.

— Тогда, — начала Валя, оценивающе взглянув на Ивара. Мужчина был крепок и явно силен, — я могу предложить другой вариант.

— Какой? — насторожился Ивар. Похоже, он надеялся, что Валентина простит долг так же, как сделал это он, но

Валя не собиралась так поступать.

Изначально она заговорила об оплате труда как о возможности избежать навязанного долга, но раз всё зашло так далеко, то она собиралась использовать ситуацию в свою пользу.

— Как видите, мне нужна небольшая помощь, — продолжила Валя и хлопнула ладонью по полусгнившему бревну. — Самой мне будет сложно здесь что-то поправить. Вот с этим вы мне и поможете. Как вам такой вариант?

Ивар, услышав предложение, медленно осмотрел почти разрушенную хижину. Не было сомнений, что ещё пара лет — и та совсем развалится.

Он представил, сколько потребуется усилий, чтобы всё здесь восстановить. На его лице появилось угрюмое выражение.

Впрочем, если не пилить брёвна...

— Сруб придётся делать новый, — прервала его размышления Валентина.

По виду Ивара она вполне могла догадаться, о чём тот думал. Судя по его лицу, он не хотел утруждать себя лишней работой.

— Кроме этого, — продолжила она, — мне понадобится домашняя утварь, одежда и ткани.

Ивар ошетинился. Ему не хотелось отдавать то, на что он долгие годы зарабатывал. На самом деле, изначально, предложив списать долг, он надеялся, что племянница сделает то

же самое. И был очень удивлён, что этого не произошло. Всё-таки ранее Валенсия никогда не спорила.

Ивару даже стало интересно, что стало причиной таких изменений.

Тут он вспомнил, что перед этими переменами его жена рассердилась на девицу из-за какой-то мелочи и заперла её в каморке без еды и питья на сутки. Кажется, такое наказание было излишним. Даже дикое животное нападало, когда выхода не оставалось.

— Это надо решать с Игленой, — попытался отказаться он.

— Не забывайте, что вы всё ещё должны мне двадцать золотых монет, — напомнила Валентина. — Пара горшков и несколько метров мешковины стоят сущие гроши. Если вы откажетесь, то никакого договора не будет.

Поправленная хижина — это, несомненно, хорошо, но, кроме места, где жить и спать, требовалось ещё множество мелочей. Сейчас у Вали вообще ничего не было.

— Это справедливо, — внезапно прогудел кузнец Рожер. — Девица годами спину не разгибала.

Некоторые селяне согласно закивали. Все они очень хорошо знали, какова была правда. Впрочем, имелись и те, кто не считал её ситуацию особо тяжёлой или несправедливой.

— И что? — вмешалась женщина из толпы. — У неё была крыша над головой. Её кормили два раза в день. Одежду давали. Ей ли жаловаться и что-то требовать?

Кузнец хмуро взглянул на говорившую, сразу опознав её как одну из подруг Иглени. Заметив его взгляд, женщина вскинула голову.

— Всем нам приходится работать, и что с того? — продолжила она, прищуриваясь.

Валя хорошо её помнила. Та часто бывала у Иглени и полностью одобряла то, как тётушка обращалась с Валенсией. Женщина даже завидовала тётке, что у той имелась столь полезная работница.

— Вы работаете для себя и пользуетесь результатами своего труда, — заговорила Валентина. — Единственной оплатой моего труда был кусок чёрствого хлеба, стакан воды или миска жидкого супа. Чем это отличается от рабства?

После этих слов она перевела взгляд на мужа Иглени.

— Я хочу, чтобы мне помогли построить дом на моих условиях. Иначе говоря, всё будет так, как я скажу, начиная от величины сруба и заканчивая стороной, куда будет выходить дымоход печи. Кроме того, мне требуется посуда — чашки, тарелки, котелок, чайник. Пара комплектов одежды. Тёплый плащ и новые сапоги. Рулон мешковины и запас еды на две недели. Иначе...

Валентина не договорила, но всем стало ясно, что она имела в виду.

— Как думаете, ваше святейшество, могу ли я настаивать на подобном? Или дополнительные требования излишни? — обратилась она к священнику.

— Не вижу ничего чрезмерного. Домашняя утварь, ткани и одежда в любом случае должны передаваться любой деве в качестве приданого, — ответил тот немедленно.

Ивар скрипнул зубами. Выхода не осталось.

— Хорошо, — согласился он и добавил: — Но ты должна понимать, что стройка — дело непростое и быстро я один не...

— Я помогу, — перебил его кузнец. — Валеся несколько раз мне помогала. Хочу отплатить. Вдвоём мы справимся куда быстрее.

Ивар бросил на кузнеца раздражённый взгляд. Теперь, когда у него появился надсмотрщик, придётся работать добросовестно, а ведь он так хотел затянуть дело до зимы. Он надеялся, что девка, вынужденная жить практически на улице, подхватит простуду, да сгинет, избавив его от необходимости платить.

— Не стоит. Всё-таки это долг моей семьи, и посторонним...

— Хорошая идея, — перебила Ивара ставшая невыносимо наглой девица. — Я с радостью приму вашу помощь, господин кузнец.

— Раз такое дело, то и я присоединюсь к стройке, — предложил священник.

Ивар едва не выругался. Этого только и не хватало!

— Что вы! — громко возразил он. — Разве мы можем позволить такому человеку заниматься столь грубой работой? Я

всё сделаю сам. Всё-таки это семейное дело, — напирал он.
— Я не откажусь от вашей помощи, ваше святейшество,
— согласилась Валентина, будто даже не слышавшая слов
Ивара.

Она видела, что этот человек по какой-то причине не хотел вмешательства посторонних. Казалось, он должен был ухватиться за возможность переложить работу на кого-то другого, но вместо этого отталкивал помощников. Это выглядело подозрительным.

— Рад это слышать, — отозвался священник. — Мой долг помочь тем, кто в беде и нуждается.

— И всё-таки, — продолжал упорствовать Ивар, — разве я могу отвлекать вас от важных дел такими пустяками? Я не настолько бесстыден!

Надо было отдать ему должное: оказалось, он умел завуалированно оскорблять. Он явно имел в виду бесстыдство самой Валентины, которая посмела своими ничтожными делами задерживать людей.

— Не стыдно помогать творениям Создателя нашего. Мы все едины. Я не смогу простить себя, если пройду мимо чужой нужды, не протянув руку. Кроме того, я не заметил в этой деревне обители Создателя. Гаспар, — обратился он к писарю, который всё это время молчал, стоя в стороне.

— Да, ваше святейшество? — откликнулся тот.

— Мне нужно, чтобы ты отправился в Клинрад с посланием для настоятеля.

— Как скажете, ваше святейшество. Вы хотите написать или мне передать что-то на словах?

Священник немного подумал, а затем ответил:

— Письмо всё же лучше, чем простые слова. Но это чуть позже, а пока, — он не договорил и, повернувшись к Валентине, нахмурился, — мне бы хотелось обсудить ещё одну важную вещь.

Валя быстро обдумала, что ещё могло волновать священника, но ничего в голову не пришло. Они вроде всё обсудили и решили, разве нет?

— О чём вы говорите, ваше святейшество?

— Жить в этом месте сейчас опасно. Вы вернётесь в дом своей тёти?

Для Валентины стало полной неожиданностью, что чужой человек обеспокоился чем-то подобным.

— Исключено, — сразу отрезала она и задумалась над проблемой.

Хижина была хлипкой, но если расчистить заросли внутри и подставить в нужном месте наиболее крепкое бревно, то вполне можно было не опасаться, что крыша ночью рухнет. Зверье в этом лесу водилось, но оно нечасто выходило к людям.

— Не думаю, что это хорошая идея, — предостерёг её священник.

Валентина и сама понимала, но выбора не было. К тётке она точно не вернётся. Ей даже забирать в том доме было

нечего.

— Построю шалаш, — решила она. Судя по взгляду священника, он находил эту идею ещё более опасной.

— Можешь пожить у меня, — внезапно предложил кузнец.

Жители деревни удивлённо на него посмотрели.

— Вы уверены, господин кузнец? — переспросила Валя с сомнением в голосе.

— Как сказал его святейшество, все мы творения Создателя и должны помогать друг другу.

Рожер выглядел хмурым, но его взгляд оставался твёрдым.

— Что ж, — Валентина была удивлена тем, что в этом месте нашёлся человек, не боящийся гнева Иглены, — буду благодарна за помощь.

— Раз всё разрешилось, то возвращаемся, — заключил священник и первым направился к тропе. Следом за ним потянулись и остальные.

— Так ты теперь с кузнецом будешь жить?! — крикнула подруга Иглены. — И не стыдно тебе? С женатым-то мужиком?

Лорьяна — так звали эту женщину — явно была сделана из того же теста, что и Иглена. Обе обладали злобными характерами.

— По себе не судят, — ответила Валентина и хмыкнула. Однажды она случайно застала Ивара и Лорьяну вместе. Го-

ворить об этом она не собиралась, по крайней мере, до тех пор, пока её не вынудят.

— Что ты хочешь этим сказать?! — почти взвизгнула женщина. — Клеветать на меня вздумала? Какой чёрный у тебя язык! Все знают, что я никогда бы так не поступила!

Валя кивнула и пошла быстрее. Не хотелось ввязываться в ещё один скандал.

— О чём это она? — спросил с подозрением Граом — муж Лорьяны.

— Не слушай её, — резко бросила та. — Змея она, вот и всё!

Граом сказал что-то ещё, но Валентина отошла слишком далеко, поэтому не разобрала, что именно. Вместо этого она обратила внимание на священника.

— Я хотела поблагодарить вас за то, что вступились за меня, — сказала она, приблизившись к мужчине. — И за то, что решили остаться.

— Не стоит благодарностей, дева Валенсия, — произнёс тот. — Как я и сказал, все мы творения Создателя нашего, поэтому должны помогать друг другу.

— Вы правы, — согласилась Валя. Она подозревала, что у него мог быть иной мотив, но пока допытываться не собиралась. — И вам тоже спасибо, — обратилась она к хмурому кузнецу. — Я благодарна и, конечно, отплачу.

— Я люблю жену, — заверил её Рожер.

Валентина фыркнула.

— Я имела в виду уборку и готовку, — пояснила она. Ядовитые речи Лорьяны явно сделали своё дело.

Кузнец сильно смутился. Казалось, он был готов провалиться сквозь землю.

— Извини, — буркнул он. — Я не должен был... — его голос совсем затих.

— Всё в порядке, — отмахнулась Валя.

Кузнец не выглядел убеждённым, но ничего больше говорить не стал.

Позади слышались крики. Видимо, скандал между Лорьяной и Граомом разгорелся ни на шутку. Мужчина, оказалось, дураком не был и быстро понял, на что именно намекала Валентина.

В итоге, когда Валя со священником и кузнецом вышли из леса, остальные задержались. Людям явно хотелось посмотреть на новую склоку. Только Ивара не интересовала очередная драка — он поторопился к семье.

— Обождите здесь, — попросил их кузнец и потопал к дому. Вернулся он быстро и разрешил им войти.

Валентина знала, что мужчина был женат, вот только жену его давно никто не видел. Когда Валенсия была маленькой, женщина ещё появлялась на людях, но с годами выходила всё реже и реже, пока не перестала совсем.Глава 5

Дом Рожера состоял из одной комнаты, служившей хозяевам и кухней, и спальней, и всем остальным. Слева от входа располагалась большая каменная печь. Рядом с ней стоял кухонный стол. На стенах висели многочисленные полки, заставленные посудой и всякими горшками. Справа было видно небольшое окно, а под ним вдоль стены ютились два громоздких сундука. Там явно лежали вещи хозяев. Прямо напротив часть помещения была отгорожена свисающей с потолка мешковиной. Сейчас та была отодвинута в сторону, открывая вид на кровать, на которой лежала женщина.

— Мира вам и благодати, — произнесла она, чуть приподнимаясь на подушке. Хозяйка дома — а это была она — выглядела чрезмерно болезненной, но, несмотря на это, на её лице при виде гостей расцвела слабая улыбка.

Действительно, все в деревне знали, что жена кузнеца была больна.

Черты лица женщины были миловидными, но всё портили землистая кожа, глубокие тёмные круги под глазами и обескровленные, потрескавшиеся, лишённые всякого объёма губы.

— Мир и благодать, — немедленно отозвался священник и двинулся к постели больной.

— Мир и благодать, — пробормотала следом Валентина. Подходить ближе, как священник, она не стала. Вместо этого села на стоящую около стола лавку. Гаспар примостился с другого конца.

— Вам не следует беспокоиться, — задыхающимся голосом заверила женщина, когда священник приблизился и с тревогой посмотрел на неё. — Я болею уже давно. И это не заразно.

Мужчина нахмурился и, сев на табуретку, с укоризной посмотрел на больную.

— Беспокойство о ближнем — естественная реакция человека, способного сопереживать, — произнёс он строгим голосом. — Риск заражения волнует меня в последнюю очередь.

— Прошу прощения, ваше святейшество, — женщина неловко улыбнулась.

Реакция жены кузнеца и её первые слова говорили о том, что раньше ей доводилось чаще встречать тех, кто прежде

всего боялся за себя.

— Мы не знаем, что это такое, — прогудел Рожер. Подойдя ближе, он сел на край кровати лицом к священнику и Валентине с Гаспаром, а затем подхватил тонкую, почти прозрачную руку жены и слегка сжал её. В его крупной ладони её кисть смотрелась ужасно маленькой и хрупкой. Но было видно, что кузнец скорее отрубит себе руку, чем причинит вред жене. — Её смотрело множество врачей, но никто так и не смог помочь.

— И как лечили? — заинтересовалась Валя.

— Кровь отворяли, — пояснил кузнец. — Отвары прописывали.

Валентина поняла, что и в этом мире врачи опирались на те же принципы, что и в её старом.

— И какой диагноз?

— Сказали, что дурная кровь скопилась в груди, поэтому ей так трудно дышать. Телу не хватает воздуха, и поэтому она так слаба и холодна, — ответил Вале кузнец.

Его жена пошевелилась, и её одежда слегка сдвинулась, открывая вид на синяки. Рожер, заметив их, помрачнел.

— Последний врач лепил на неё небольшие горшки огнём. Сказал, что это помогает оттягивать кровь от больного места.

Валя не была врачом, и единственное, что ей когда-либо доводилось лечить самостоятельно, — это простуды. Но на обычную простуду болезнь жены кузнеца не походила.

— Дорогой? — позвала мужа женщина. Ей явно хотелось знать, по какой причине тот привёл в дом гостей.

Рожер встrepенулcя. На его лице появилось виноватое выражение.

— Валесе негде жить, — прогудел он неловко. — Я пригласил её к нам. До тех пор, пока не будет построен её новый дом. И его святейшество тоже остановится здесь. Если вам будет угодно, ваше святейшество, — обратился он уже к служителю веры.

— Я с радостью принимаю ваше предложение, — откликнулся священник.

— О-о-о! Неужели эта злая женщина всё-таки отпустила тебя, дитя? — обратилась к Валентине женщина. — Это очень хорошо. Конечно, ты можешь жить здесь столько, сколько захочешь. — После этих слов жена кузнеца посмотрела на священника. — И вам, ваше святейшество, тоже всегда рады в этом доме. Моё имя — Гвендолина.

— Имя, благословенное Создателем. Благодарю за вашу доброту, веда Гвендолина, — степенно произнёс Алберик.

Судя по лицу женщины, такие тёплые слова её порадовали.

— Но на чём вы будете спать? — встревожилась Гвендолина.

Валентина осмотрела дом. Её взгляд остановился на грубой циновке, лежащей на полу. Это был единственный вариант.

— Не стоит волноваться, веда, — успокоил женщину священник, а затем поднялся и сел за стол. — Мне нужно лишь написать письмо. После Гаспар отвезёт его в Клинрад и вернётся со всем необходимым.

Писарь, услышав эти слова, достал из сумки лист плотной бумаги, чернильницу и перо. Священнослужитель поблагодарил его и принялся писать.

Валя в это время задумалась. Она попыталась понять, чем именно могла быть больна женщина. Судя по словам лекаря, проблема крылась где-то в груди. Лёгкие? Сердце? Так сразу и не скажешь.

— А какие симптомы? — рискнула задать вопрос Валя. Перебравшись на освобождённую священником табуретку около кровати, она протянула руку и спросила: — Можно?

Гвендолина неуверенно кивнула. Её рука оказалась очень холодной, а ногти выглядели ломкими и белёсыми.

Валя пожалела, что в своё время не выучилась на врача. Впрочем, вряд ли она смогла бы работать в этой сфере.

— Ей трудно дышать, — ответил кузнец.

— На самом деле я спокойно могу дышать, — поправила его Гвендолина, — но начинаю задыхаться, если что-то делаю. Ещё мне трудно стоять прямо. Всегда тянет согнуться или опереться на что-нибудь, а лучше сесть или лечь. В такие моменты перед глазами всё темнеет, а в груди что-то сжимается. Если я упорствую, то могу потерять сознание. Очень быстро устаю. Голова иногда болит, в ушах звенит, сердце

быстро колотится.

— Раньше так же было?

Гвендолина вздохнула.

— Я всегда была слабой. С каждым годом становилось только хуже.

Первое, что приходило на ум, — это какое-то сердечно-сосудистое заболевание. Возможно, сбой в работе гормонов или низкий уровень сахара в крови. Не стоило сбрасывать со счетов нехватку витаминов и сильную анемию. Болезнь была вялотекущей, поскольку длилась явно более пяти лет.

— Тебе не стоит переживать обо мне, — прервала её размышления мягким голосом Гвендолина. — Моя жизнь всё ещё хороша, — заверила она и посмотрела на мужа. — Обо мне есть кому позаботиться.

— Простите за навязчивые вопросы — повинилась Валя.

— Всё в порядке, — женщина улыбнулась. — Расскажи лучше, как тебе удалось уйти от этой злой женщины.

— Её зовут Иглена, — сообщила Валя, подумав, что Гвендолина могла не знать имени тётушки.

— Знаю. — Судя по её неодобрительно сжатым губам, она была хорошо знакома с нравом тётки. — Это не делает её менее злой.

— Моя мать оставила мне наследство...

— У Ивонны что-то было?! — удивлённо воскликнула Гвендолина, невольно перебивая.

— Вы её знали? — спросила Валя с удивлением.

— Совсем немного, — призналась женщина.

— И каким человеком она была?

— Мягким и тихим. К сожалению, узнать её лучше мне не удалось. Мы мало общались, а потом она и вовсе уехала. Её родители рассказывали, что ей удалось хорошо устроиться, но где именно она работала, я не знаю. В Камнесерд она вернулась уже с тобой.

Валентина знала эту часть. Тётка не забывала напоминать Валенсии, а потом и ей, что её мать банально нагуляла. С каким-нибудь пьяницей, не иначе. Что-то подсказывало Вале, что Иглена безбожно лгала.

— Вот и готово, — прервал их разговор священник. Свернув письмо, он протянул его Гаспару. — Я буду благодарен, если ты передашь это послание настоятелю в Клинраде.

Писарь с готовностью принял письмо и спрятал его в сумке.

— Будет доставлено в целости и сохранности, ваше святейшество, — пообещал он и, попрощавшись с остальными коротким кивком, быстро покинул дом.

Как только это произошло, кузнец подошёл к одному из сундуков и принялся копать в нём. Вскоре на свет были вытащены мотки холщовой ткани и мешковина, связанная верёвками, старый плащ и что-то вроде тонкого покрывала. После Рожер посмотрел на Валентину.

— Положить тебя на кровать я не могу. Незамужней деве

не след ложиться на чужое семейное ложе.

Валя и не собиралась отбирать у хозяев кровать, поэтому легко согласилась.

— Для неё нужно отгородить место, — напомнил священник кузнецу.

Рожер оглядел стены и потолок, затем, оставив вещи, вышел из дома. Вскоре он вернулся с неструганой палкой в руках. Она оказалась достаточно длинной, чтобы упираться концами в пол и потолок.

Примерившись, он поставил её в выбранном месте и слегка надавил, чтобы палка встала прочно. Затем протянул верёвку от неё к вбитым в стенах гвоздям. Потом закинул на верёвки холщовую ткань. Этим он отделил небольшой закуток от остальной комнаты.

— Отлично, — похвалил священник.

Валентина отодвинула ткань и заглянула в пустое пространство. Отгороженного угла действительно хватало, чтобы установить спальное место.

— А теперь кровать, — прогудел кузнец.

— Мне будет достаточно чего-то простого, — торопливо заверила его Валя, не желая ещё сильнее напрягать человека.

Кузнец ничего не сказал. Просто снова вышел из дома. Когда он вернулся, в его руках был большой дырявый мешок, набитый соломой. Бросив его под ноги Валентине, он передал ей кусок мешковины и снова зарылся в одном из сундуков.

— Вот, — проговорил он спустя время, передавая ей кожаный свёрток.

Когда Валя развернула его, то увидела несколько толстых игл и моток грязно-коричневых ниток.

Он явно предлагал ей самостоятельно сшить себе матрас и набить его соломой. Валентина никогда не делала ничего подобного, но шить умела. Да и у Валенсии имелся обширный опыт в этом деле. Всё-таки девушке пришлось двенадцать лет прислуживать всей семье.

— Спасибо, — Валя кивнула ему и посмотрела на священника. — Я могу сделать и для вас, ваше святейшество, — предложила она, но затем поняла, что материала не хватало на второй комплект, поэтому вернула взгляд на Рожера. Тот всучил ей ещё немного мешковины.

— Соломы больше нет. Придётся нарезать свежей, — предупредил он.

— Благодарю за вашу щедрость, — произнёс священник и направился к выходу. — Я займусь набивкой.

Кузнец тоже вышел из дома, решив помочь.

Валя взяла куски мешковины и швейные иглы и устроилась на стуле рядом с кроватью. Некоторое время она работала в тишине, пока слабый голос Гвендолины не отвлёк её.

— Его святейшество — добрый человек, — заметила жена кузнеца.

Валентина подняла взгляд и кивнула.

— Да, без его помощи, боюсь, всё могло сложиться иначе,

— призналась она.

Без поддержки официальных властей она вряд ли смогла бы жить спокойно. Даже сейчас угроза Иглены всё ещё существовала. Когда та снова примет тяжесть забот о семье на себя, поднимется невообразимый шум.

Поначалу она явно попробует взвалить всё на дочерей, но те были слишком изнежены бездельем. В конце концов, с детства им не приходилось работать ни дня.

У неё была ещё невестка, но та была внучкой деревенского старосты. Родственники девушки едва ли обрадуются, если Иглена начнёт её злостно эксплуатировать.

По всему выходило, что тётушке придётся самой тащить это ярмо. И можно было только представить, как недовольна таким раскладом будет Иглена.

— К тому же он благородный и сострадательный, — добавила Гвендолина. — Он явно остался в нашей деревне из-за тебя.

— Он сказал, что из-за того, что в Камнесерде нет обители Создателя, — пояснила Валя, не желая, чтобы жена кузнеца надумала себе лишнего.

Гвендолина лукаво улыбнулась.

— Давай помогу, — предложила она и потянулась к материалу.

— Не стоит, — Валя мягко отказала. Она видела, как сильно дрожали чужие руки, когда женщина пыталась поднять тяжелую мешковину. — Отдыхайте. Я справлюсь сама.

— Уже поздно. — Гвендолина мельком взглянула в сторону окна, из которого в дом пробивался тусклый свет. — Ты не успеешь ко времени.

— Ничего страшного. Для начала сделаю для его святейшества, а сама просто накину ткань на солому и посплю так. Доделаю завтра.

Жена кузнеца снова улыбнулась.

— Он будет хорошим мужем.

Служителям Создателя в этом мире разрешалось заводить семьи. Считалось, что партнёрство между мужчиной и женщиной — это естественный порядок вещей, отвергать который нельзя никому. Браки священникам не навязывались, но поощрялись.

В местном Писании было сказано: «И сотворил Создатель мужчину и женщину, и узрел Он в их союзе красоту. Тогда вписал Он в круг новый закон жизни и благословил тем пары, дабы сердца соединились и плоды любви их украсили мир».

Валенсия никогда в жизни не держала в руках Святое Писание, но эта строчка была широко известна среди простых людей, так как священники всегда произносили её на свадьбах, благословляя молодые пары.

— Я не думаю, что у него такие намерения, — заверила её Валя и покачала головой.

Алберик не выглядел увлечённым ею или заинтересованным. Казалось, он просто был искренне обеспокоен судьбой

сироты, которая повстречалась ему на пути.

Взгляд Гвендолины стал снисходительным. Валя не стала развивать тему. Время покажет, кто из них был прав. Вместо того чтобы спорить, она продолжила прерванное занятие.

— Скажите, вам часто отворяют кровь? — спросила она, надеясь отвлечь Гвендолину от абсурдных мыслей.

Возможно, было жестоко снова напоминать больной о её бедах, но Валя хотела понять больше о состоянии женщины.

— Несколько раз в месяц, — ответила та отстранённо.

Валя с недоверием посмотрела на неё.

— Так часто?

— Рожер не хочет сдаваться, — в голосе женщины прозвучала горечь, смешанная с нотками надежды и радости. Казалось, Гвендолина была расстроена тем, что лечение не помогало, но при этом радовалась, что муж продолжал бороться за неё. И сама она всё ещё надеялась на освобождение от болезни. — Я говорила ему, что всё бессмысленно, но он продолжает тратить деньги и приводить врачей.

— Если от кровопускания становится хуже, может, не стоит делать это? — предположила Валентина, размышляя над тем, могло ли само лечение стать причиной состояния Гвендолины.

— А как ещё лечить? — жена кузнеца качнула головой. — У врачей есть образование. Они всяко умнее, чем мы.

Такое частое кровопускание было опасно, но вряд ли её станут слушать. Значит, нужно было сделать так, чтобы они

сами задумались об этом.

— Я слышала, — начала она, подбирая слова. В дом вернулись мужчины, но Валя продолжила: — что люди, получив открытую рану, очень быстро умирают.

Рожер со священником остановились после её слов. Валентина продолжила шить, делая вид, что ничего важного не сказала.

— Да, но у меня нет открытой раны, — возразила Гвендолина недоумённо.

— Но разве это не похоже? — спросила Валя и всё-таки посмотрела сначала на женщину, а после и на мужчин.

Она видела момент, когда осознание сначала щёлкнуло в голове священника, а затем появилось и в глазах кузнеца.

Глава 6

Бросив солому на пол, Рожер подошёл ближе и впился в лицо Валентины тревожным и напряжённым взглядом. Священник также приблизился. Он выглядел сосредоточенным и хмурым.

— О чём ты говоришь? — резко потребовал ответа кузнец.

Валя сделала вид, что не понимала, почему на её слова все отреагировали так остро. В конце концов, Валенсия была простой и малограмотной деревенской девушкой, которая в силу своего воспитания едва ли что-то понимала в техниках лечения.

Если Валентина сейчас начнёт разбрасываться знаниями, не известно, к чему это могло привести. Ей не хотелось, чтобы её приняли за ведьму.

— Я говорю про отворение крови, — пояснила она и попыталась выглядеть максимально невинно. — Мне показалось странным лечение методом, который обычно убивает людей. Но, наверное, лекарям лучше знать.

— Да, им лучше знать, — кивнул кузнец. Он выглядел так, словно хотел, чтобы его убедили в этом. Наверное, именно поэтому он посмотрел на священника.

— Я получил лишь базовые познания в целительстве, которые позволяют мне оказывать первую помощь, не более то-

го, — признался тот. — Но я знаю, для чего отворяют кровь. Для этого всегда есть веские причины.

После этих слов он замолчал. Рожер смотрел на него выжидающе. Гвендолина выглядела встревоженной, а Валентина делала вид, будто не понимала, почему все внезапно стали такими напряжёнными.

— Но люди с открытыми ранами действительно становятся слабыми и быстро умирают, — договорил священник.

Стало тихо. Валя переводила взгляд с одного человека на другого, ожидая, что будет дальше.

— Я убиваю её? — прохрипел кузнец сдавленным голосом. — Убиваю своими руками? Я думал, что...

— Не говорите глупостей, — резко перебил его священник. — Отворение крови — правильный путь, — выдал он убеждённо. Валентина разочарованно вздохнула. — Возможно, просто нужно сократить количество раз, — неуверенно выдвинул он предложение.

Валя чуть приободрилась.

— А как вы себя чувствуете после процедур? — поинтересовалась она у Гвендолины, решив, что нужно было добиться большего.

— Я чувствую себя очень слабой, — послушно принялась перечислять та. — Мое сердце начинает биться быстрее. Иногда я теряю сознание. Дышать становится ещё труднее.

С каждым словом лицо Рожера становилось всё более виноватым. Впрочем, вскоре вина испарилась, и вместо неё

пришла ярость.

— Мошенники, — прорычал он. — Все они мошенники! Они должны были лечить, а вместо этого... — он замолчал и, шумно вдохнув, сжал кулаки так сильно, что костяшки пальцев побелели.

В доме стало тихо. Слышно было только прерывистое дыхание Рожера. Священник ничего не говорил. Он выглядел задумчивым и отстранённым. Гвендолина смотрела на мужа тревожно, но тоже молчала.

Валя надеялась, что её хитрость принесёт хоть какие-то плоды. Она не была полностью уверена, что состояние женщины было вызвано частыми кровопусканиями, но если подобное происходило на протяжении многих лет, то у неё давно должна была развиться сильная анемия.

Отложив шитье, Валя встала. Взгляды немедленно обратились к ней.

— Приготовлю ужин, — пояснила она и посмотрела на кузнеца.

Тот кивнул в сторону кухонной части дома.

— Найдёшь всё там, — произнёс он, давая понять, что она может пользоваться всем необходимым. После этого Рожер бросил быстрый взгляд на жену и стремительно вышел из дома.

Желая хоть чем-то заполнить удручённую тишину, Валентина принялась за готовку.

Для начала проверила запасы.

Как она и думала — в горшках, стоящих на полках, обнаружились крупы: ячмень, овёс, рожь. Была даже пшеница. Для их деревни очень дорогое удовольствие. Ещё нашлась фасоль с горохом.

В мешочках, висящих на стенах, хранились шиповник и сушёные дольки яблок. В этом мире они тоже росли, только более мелкие и довольно кислые, но деревенские жители всё равно их собирали и ели.

Кроме этого, Валентина отыскала несколько вязанок грибов и баночку с мёдом. Последнее было поистине ценным. Пчёл, насколько Валя знала, в этом мире никто ещё не приручил, поэтому добыча мёда являлась редким и рискованным занятием.

В одной из бочек нашлась квашеная капуста, в другой — очень грубо смолотая мука.

Если судить по количеству и разнообразию продуктов, Рожер был довольно состоятельным человеком. Ничего удивительного, ведь кузнецов в эту эпоху уважали. Их изделия ценились, так как знания не были широко распространёнными. Они передавались либо от отца к сыну, либо от учителя к ученику.

Проверив всё, Валентина задумалась над тем, что приготовить. Не хватало мяса, но были грибы. И с этим можно было устроить целый пир.

Вскоре в дом вернулся Рожер. Да не с пустыми руками. Рожер принёс дров и тушку курицы. Щедрый жест, ведь

домашних птиц здесь очень ценили и ели раз в год, а то и реже. Смерть одной из них воспринималась домочадцами как настоящая трагедия.

— Не стоило, — заверил священник.

— Она всё равно была старой, — отмахнулся кузнец и, бросив тушку на стол, свалил дрова перед печью. — Почти не неслась уже.

Требовался кипяток, ведь без него было очень сложно ощипать птицу, но воды в доме не нашлось. Следовало сходить за ней к колодцу. В деревне он был только один, и им пользовались все жители.

— Схожу за водой, — предложил священник, словно угадав мысли Вали. Вскоре он, взяв ведро, ушёл.

— Думаешь, это действительно опасно? — спросил Рожер, когда они остались втроём.

Валя предположила, что вопрос был задан ей.

— Я не лекарь, но такое частое отворение крови кажется лишним, — осторожно произнесла она, стараясь не нажать врага в лице местной гильдии лекарей.

Как только огонь в печи разгорелся, Рожер поставил заклонку на место и сел за стол. При этом мужчина выглядел задумчивым и угрюмым.

Через пару минут вернулся священник. Валентина сразу отыскала подходящий котелок и поставила воду кипятиться, а после продолжила сшивать мешковину. Становилось темнее, ей следовало поторопиться.

Рожер, обратив внимание на угасающий дневной свет, зажёл с помощью лучины фитиль, торчащий из плошки с маслом, стоящей на столе. Масло было тёмным и донельзя воючим, а при горении нещадно чадило, но никто даже не думал жаловаться.

Пересев ближе к свету, Валя сосредоточилась на работе. Стежок за стежком она сшивала два полотна, размышляя о будущем.

Дом у неё будет. Ткани, домашняя утварь и еда на первые пару недель — тоже. Выходило, что нужно было позаботиться только о том, что есть после того, как она уйдёт из дома Рожера, ведь всегда стеснять семью кузнеца она не собиралась.

Время близилось к осени, а это всегда был урожайный период. Значит, она вполне могла собрать и засушить грибов и ягод. Часть можно будет продать, чтобы получить монеты. На них купить другие продукты, например, муку и крупы.

Кроме ягод и грибов, можно было собрать различные растения. Ту же крапиву. Она здесь росла в большом количестве. Деревенские её тоже ели, но только совсем бедные. Впрочем, в особо голодные годы крапивой питались все.

В размышлениях время пролетело быстро. В конце концов, работа была завершена. Вывернув получившийся мешок, Валя встала и направилась к лежащей на полу соломе.

— Давайте помогу, дева Валенсия, — предложил священник.

Она не стала отказываться. В итоге они споро в четыре руки набили матрас. Тот выглядел нелепо пухлым, но Валентина не переживала — после ночи солома внутри уляжется.

Валя передала матрас священнику. Тот взглянул на него хмуро и смущённо поинтересовался:

— Разве это не для вас?

— Не волнуйтесь, я сделаю ещё один, — успокоила его она.

К этому моменту закипела вода. Валентина решила, что для начала следовало ощипать тушку, но как только она собиралась приступить, кузнец подхватил котелок и птицу.

— Идём во двор, — бросил он, выходя из дома.

Прежде чем поспешить следом, Валя поставила на печь ещё один котелок с водой.

На заднем дворе, куда её привел Рожер, стояло несколько строений.

С левой стороны располагались кузница и большой дровяник. Для работы Рожера, как полагала Валентина, требовалось очень много дров. Часть их была спрятана в крытом помещении, часть находилась рядом под навесом. Неподдалеку стоял пенёк с воткнутом в него топором.

С правой стороны двора был построен сарай для скотины. Помещение для птиц отделялось от свинарника, в котором сейчас возилась небольшая свинья. Настоящее богатство по местным меркам.

Несколько птиц бродили по двору и ковырялись в земле,

выискивая еду. Чтобы они не покидали территорию, всё было огорожено высоким плетнём.

Рядом с сараем на привязи сидел большой пёс. Его лобастая голова легко доставала до талии Валентины. Объём ему придавала и мохнатая серая шерсть.

Пса звали Крахом. В переводе — Гром. Очень подходящее имя, так как лаял тот редко, но довольно грозно.

Кузнец по ночам спускал Краха с привязи для охраны скотины и дров. Деревенские редко воровали, но случалось, особенно в тяжёлые времена. Впрочем, опасаться стоило не только жителей Камнесерда. В горах частенько прятались шайки разбойников, которые были не прочь запустить руку в чужое добро.

Пару раз Валенсия, возвращаясь из леса с добычей в виде ягод или грибов, встречала бегающего рядом с домом Краха. Для таких случаев у неё всегда была припасена корка хлеба, которой девушка и угощала пса.

— Привет, — поздоровалась Валентина и, сделав шаг в сторону собаки, остановилась.

Крах никогда не обижал Валенсию, но в этом теле теперь была другая душа. Валя была уверена, что Крах это сразу поймёт. Так и вышло.

Пёс даже не подумал приветливо махать хвостом. Вместо этого он угрожающе наклонил голову. На мгновение его верхняя губа приподнялась, обнажив длинные, слегка желтоватые клыки.

— Нельзя, — бросил кузнец. — Не беспокойся, цепь крепкая, не сорвётся, — заверил он Валентину.

Валя кивнула и всё-таки сделала ещё пару шагов в сторону Краха. Пёс некоторое время рычал, но потом успокоился. С минуту он изучал её, а затем слабо, едва заметно, вильнул хвостом.

Валентина посчитала это победой.

Выбрав наиболее удобное место, Рожер опустил курицу в ведро и залил её кипятком. Подержал немного и положил на пень для рубки дров. Валя без промедления принялась за дело. Неприятный запах её не смущал, ведь ранее ей неоднократно приходилось заниматься такой работой.

— Чем обычно вы кормите Краха? — спросила она, после того как закончила ощипывать курицу. К тому моменту Рожер успел прибраться во дворе.

— Остатками, — ответил тот и, подхватив ощипанную тушку, потопал к дому. Валя последовала за ним.

К их приходу вода на печи уже начала закипать.

Хлопоча по кухне, Валентина прислушивалась к тихому разговору между кузнецом и священником. Они снова обсуждали вероятность того, что кровопускания вредят Гвендолине.

Вскоре каша с мясом была готова, как и простой салат из квашеной капусты и лука. Лепёшки печь не пришлось, они нашлись на краю стола под полотенцем. На сладкое Валентина приготовила компот из шиповника и яблок.

— Готово, — объявила она и, подхватив порцию для Гвендолины, направилась к кровати.

— Я сам, — настоял кузнец.

Валя передала ему тарелку с едой и улыбнулась хозяйке дома, а после позвала за стол священника, который, если судить по голодному взгляду, давно ждал этого момента.

После ужина все занялись своими делами.

Гвендолина продолжила отдыхать. Священник достал из сумки Святое Писание и сел читать около масляной лампы. Рожер смешал в отдельном котелке еду из остатков ужина и отправился кормить Краха. Валя взяла полотна мешковины, иглу, нитки и занялась своим матрасом.

— Я отпустил Краха, — сообщил вернувшийся вскоре кузнец. — Ночью выходить из дома не стоит.

Затем он сел прямо возле печи, достал несколько металлических деталей и принялся что-то точить.

— Вы не почитаете вслух? — попросила Гвендолина у священника.

Тот взглянул на неё и кивнул.

— «И увидел Создатель, что в Хаосе нет красоты, — начал он. — И захотел Он упорядочить бессмысленное и придать всему Законы, которые должны были отразить суть Его. Тогда взял он глаза Свои, в мгновение ставшие сводом небесным, а основой его сделал тело Своё. Слезы Его пролились и стали реками, морями и озёрами, плоть — плодородной землей, с лесами, полями, горами. Из костей Своих

и дыхания человека Он сотворил по образу Своему и подобию, даровав ему свободную волю».

Валентина внимательно слушала местную версию создания мира. Это звучало интересно и довольно страшно, если так подумать.

Когда она закончила с матрасом, кузнец помог набить его. Сразу после этого все засобирались спать. Масло для ламп было дорогим, поэтому обычно его предпочитали не трогать.

Спать на соломенном матрасе было не очень удобно, но для её нынешнего тела такой уровень комфорта казался невероятным, учитывая, что до недавнего времени Валентина проводила ночи на чём-то, что давно требовалось выбросить.

Утром за завтраком они решили, что стоит осмотреть новую собственность Валентины внимательней. Всё-таки накануне все были слишком взвинчены, чтобы оценить дом как следует.

— Я думаю, Краха нужно снова отпустить, — предложила Валя, когда они вышли из дома. — Многие догадаются, что вас сегодня не будет дома. Кто-нибудь может решить, что сейчас хорошее время, чтобы обокрасть дом, — пояснила она.

— Сердца некоторых людей полны жадности и хитрости, — поддержал идею священник.

Рожер нахмурился, а затем кивнул и направился во двор.

Когда он показался из-за дома, Крах следовал за ним. Заметив посторонних, он подошёл ближе и поворчал на них, но лаять не стал.

— Охраняй, — приказал псу кузнец.

После все трое направились к хижине. Та всё ещё стояла на месте, и, если судить по растительности вокруг, никто ночью к ней не приближался.

— Что именно вы хотите с этим сделать? — спросил у Валентины священник, когда они втроём обошли дом по кругу, внимательно осмотрев его изнутри и снаружи.

Как Валя и думала, состояние хижины оказалось крайне плачевным.

— Полагаю, ремонтировать тут нечего, — ответила она. — Нужно всё разобрать и построить из новых материалов.

Услышав ответ, мужчины задумчиво посмотрели на хижину и согласно кивнули.

— Но для начала здесь следует прибраться, — добавила Валентина, оглядывая буйное разнотравье вокруг. Из-за высокой растительности ходить было неудобно, да и опасно, ведь под ней скрывались камни. Ей не хотелось, оступившись, покалечиться.

Об Иваре никто и не вспомнил. По крайней мере, до обеда.

Глава 7

Во время работы Валя поняла, что вокруг росло множество ценной зелени. Выбрасывать её она не собиралась, поэтому складывала отдельно.

Первым полезным растением, попавшимся на глаза, была крапива. В это время года она уже начала давать семена, но Валентину это совершенно не смущало.

Вторым оказался лопух. Как и в её мире, здесь он вырос-тал очень большим. Его корни можно было тушить или жарить, как картошку. Супы тоже выходили отличные.

Ещё Валентина нашла местный конский щавель. Даже вкус был похож. Она собрала всё, что ей попало, не забыв выкопать и корни. Насколько ей было известно, это растение помогало при малокровии.

Кроме названного, ей встретились одуванчики, дикий чеснок и подобие лебеды. На местном языке эти растения назывались по-другому, но внешний вид был вполне схож.

— Дома еды достаточно, — попытался остановить её Ро-жер, когда Валентина, вместо того чтобы просто срезать рас-тительность, принялась методично всё вокруг собирать. — Незачем заниматься этим.

Валя покачала головой.

— Растения можно собирать не только для еды, но и... — она резко замолчала, подумав, что ей не стоило говорить о

растительных лекарствах. Мало ли, к чему могли привести подобные откровения. — Мне просто нравится их вкус, — закончила она.

Валентина не хотела прослыть ведьмой. В памяти её предшественницы не сохранилось никаких сведений о таких людях, но это ровным счётом ничего не значило, учитывая, что Камнесерд находился буквально на краю королевства.

Нетрадиционное лечение могло вызвать недовольство у гильдии лекарей. Про церковь забывать тоже не стоило. Да, Алберик казался дружелюбным, но вряд ли все священники были похожи на него. Всегда мог найтись кто-то, кому в голову придёт какая-нибудь сумасшедшая идея.

В своём нынешнем положении Валя предпочитала действовать осторожно, а не бросаться в омут с головой, демонстрируя всем, кто желал послушать, свои иномирные знания. Это могло навлечь на неё беду.

Кроме того, Валентина хотела уменьшить траты Рожера на их пропитание. Взять на постой двух человек было с его стороны большой любезностью.

— Всё равно их лучше выкопать, — добавила она. — Растения высокие, если мы будем их просто срезать, то останутся пеньки. Когда они высохнут, то станут опасными.

Казалось, этот аргумент убедил обоих мужчин. Все вновь принялись за работу.

Ближе к обеду к ним прибежала деревенская детвора, которая и рассказала, что вчера вечером в доме Игланы разго-

релся скандал, а сегодня с утра Ивар запряг быка и уехал в город.

Услышав новости, Валентина покачала голову. Кажется, с её уходом спокойствие покинуло дом тётушки.

К этому моменту половина участка была уже полностью очищена от зарослей. Ещё требовалось убрать торчащие из земли булыжники, но даже так их старания дали плоды, и местность перестала выглядеть заброшенной.

Валю не удивил побег Ивара. Этого следовало ожидать.

Рожер, если судить по хмурому взгляду, осуждал поступок Ивара. Как и священник. Их можно было понять. Они ввязались в дело, которое к ним не имело никакого отношения, а тот, кто должен был работать больше всех, предпочёл сбежать.

— Если не вернётся в ближайшие дни, я отправлюсь в город и передам властям, — пообещал священнослужитель.

Он произнёс это достаточно громко, так, чтобы слышала и детвора. Не было сомнений, что вскоре новость дойдёт и до Иглёны, а та отыщет способ передать её Ивару. Тому придётся вернуться и помочь с постройкой, хотел он того или нет.

К обеду они, изрядно проголодавшись, вернулись домой.

— Лепёшки последние, — сообщила Валентина, раскладывая по тарелкам кашу и добавляя к ней по сваренному яйцу. Затем она разлила приготовленный из листьев крапивы и шиповника отвар, сделав вид, что это обычный напиток, а

не лекарство.

— Тогда на сегодня закончим, — предложил Рожер.

Валя согласилась, ведь ей нужно было замесить тесто и напечь лепёшек. Это требовало времени.

Когда все сели обедать, в дверь кто-то резко постучал. Рожер, отложив ложку, встал и пошёл открывать.

— Мира вам и благодати, — донёсся до них мужской голос.

— Мира, — отозвался глухо Рожер и резко поинтересовался: — Что вы тут делаете?

Судя по тишине, последовавшей за вопросом, пришедший не ожидал такого недружелюбного приёма.

— Ну как же? — в голосе говорившего послышалась растерянность. — Сегодня ведь середина недели.

Чуть поколебавшись, кузнец всё-таки отошёл от двери, давая гостю возможность войти.

Шагнувший в дом мужчина обладал высоким ростом и плотным телом. Его круглая голова была лысой, только лицо обрамляла припорошенная сединой короткая борода. Одет человек был в коричневую дорожную одежду не самого высокого качества. На плече висела большая кожаная сумка.

Увидев Валентину со священником, мужчина расплылся в приветственной улыбке.

— Мира и благодати вам, — поздоровался он, с любопытством глядя на них. — Позвольте представиться, — мужчина подошёл ближе, продолжая улыбаться. — Мое имя Овальд.

Я лекарь.

Ничто в этом мужчине не выдавало лекаря. По крайней мере, никаких отличительных символов и знаков на нём не висело.

— Мира и благодати, — поздоровался в ответ священник.
— Служитель Создателя нашего. Ношу имя Алберик.

Судя по тому, как быстро взгляд Овальда метнулся в сторону жены кузнеца, он решил, что священник прибыл по её душу.

— Ох, прекрасная Гвендолина, — выдавил он грустно.

— Она не умирает! — немедленно пояснил Рожер. Он выглядел разъярённым.

— Да? — Овальд моргнул и снова улыбнулся. — Это замечательно! Не пугайте меня так! — воскликнул он и посмотрел на Валентину.

— Валенсия, — представилась Валя. — Просто прохожая.

Лекарь удивился, явно не понимая, что она имела в виду, но спрашивать не стал. Вместо этого переключил всё внимание на Гвендолину.

— Мира и вам, веда Гвендолина, — запоздало поздоровался он и двинулся к кровати жены кузнеца.

Не успел мужчина добраться до места, как на его пути встал Рожер.

— Что-то не так? — Улыбка с лица лекаря сползла.

— Я хотел задать вам вопрос, — напряжённо заговорил кузнец.

— Вопрос? Вы снова хотите спросить, когда вашей жене станет лучше? Рожер, вы ведь помните наш прошлый разговор? — в голос мужчины пробралось раздражение. — Мне это не ведомо. Всё зависит от тела веды Гвендолины. Я ничего не могу сделать, кроме как облегчать её положение.

С каждым его словом лицо кузнеца становилось всё более хмурым. Казалось, он боролся с желанием схватить Овальда и выкинуть его из своего дома.

— Я хотел спросить о другом, — произнёс Рожер.

— Да? Ну хорошо. Только если быстро. Сами понимаете, я очень занятый человек. Сегодня мне нужно добраться до ещё одной деревни. Если позволите, мы можем говорить во время лечения, — предложил лекарь и попытался обойти Рожера.

Тот не дал ему этого сделать — шагнул вбок, снова загромождая путь к своей жене. Овальд выглядел раздражённым, но, несмотря на это, всё-таки попытался выдавить из себя улыбку.

— Вы тратите моё время, — проворчал он. — Но хорошо, говорите, что там у вас.

Рожер некоторое время смотрел на лекаря тяжёлым взглядом, а потом прямо спросил:

— Я хотел узнать, не вредит ли кровопускание моей жене?

Кажется, лекарь ожидал услышать что угодно, но только не это. Он несколько раз моргнул, а затем тихо засмеялся.

— Откуда вы взяли такую глупость? — поинтересовался

он. — Да будет вам известно, что подобное лечение проверено временем и одобрено лекарями как прошлого, так и настоящего. Сотни тысяч людей были спасены благодаря этому методу. Я понимаю, что вы человек необразованный, — снисходительно заметил Овальд, — и прощаю вам подобные подозрения, но могу заверить вас, что волноваться не о чем.

Валентина видела, что сомнения кузнеца слегка поугасли. Она могла его понять. На одной чаше весов были слова человека, обладавшего знаниями, накопленными на протяжении многих поколений. А на другой — простое предположение, пусть и выглядящее довольно логичным.

Несмотря на отступающие сомнения, Рожер продолжал стоять, не пуская Овальда к Гвендолине.

— Хорошо, — выдохнул лекарь устало. — Если вы так сомневаетесь, хотя я не понимаю, кто посеял в вашей голове такие мысли, сегодня мы выпустим меньше дурной крови. Но не вините меня, если вашей жене от этого станет хуже.

Кузнец сжал кулаки и посмотрел на Валентину, словно в поисках подсказки, но она опустила взгляд. Рожер должен был решить сам.

— Дорогой, — послышался тихий голос Гвендолины.

Валя с интересом посмотрела на лежащую на постели женщину. Та казалась бледнее обычного, но при этом её глаза блестели.

Рожер отреагировал мгновенно. Как только Гвендолина позвала его, он сразу повернулся и подошёл ближе. Он ниче-

го не спросил, просто взял протянутую к нему руку и сжал.

— Не надо, — попросила Гвендолина. Плечи кузнеца напряглись ещё сильнее. — Я не хочу этого.

— Веда, вы не знаете...

— Помолчите, — резко оборвал лекаря Рожер.

Овальд поперхнулся.

— Ну знаете ли! — сердито проворчал мужчина.

— Ты уверена? — обратился между тем Рожер к жене.

Гвендолина кивнула. Кузнец какое-то время колебался, но потом всё-таки сдался.

— Хорошо, — согласился он. Валентина едва подавила победную ухмылку. — Сегодня нам не понадобятся ваши услуги, — бросил он лекарю.

Овальд выглядел готовым взорваться. Он явно был возмущён.

— Вы не цените не только моё время, но и жизнь собственной жены? Это убийство! Я заявлю об этом!

Рожер нахмурился и сделал шаг в сторону лекаря, словно собираясь вышвырнуть того из дома пинком.

— Позвольте мне с вами поговорить, — поспешно вмешался в разгорающийся конфликт священник.

Лекарь поджал губы. Никакой улыбки и добродушия не осталось и в помине.

— Ваше святейшество! Вы должны разобраться в этом. Кто-то пытается сбить с толку честной народ! — возмутился Овальд. — Это явно некто с дурными намерениями. Если

люди перестанут лечиться, то начнут умирать. Мы должны...

— Это я. Я усомнился в пользе дальнейшего кровопускания, — перебил Алберик лекаря.

Овальд с шумом захлопнул рот.

— Вы? — спросил он с удивлением. — Но... почему? Наша гильдия никогда не мешала вашей обители!

— Дело не в этом, — священник вздохнул и кивнул в сторону лавки. — Садитесь. Нам нужно всё обсудить.

Поглядев по сторонам, Овальд всё-таки сел, поставив сумку рядом. Лекарь казался сердитым, но открыто не выражал своего раздражения.

Валентина была благодарна за то, что святейшество взял «вину» на себя. Было видно, что Овальд собирался раздуть это дело.

— Когда я приехал сюда, веда Гвендолина выглядела очень плохо, — начал рассказ Алберик. — Она рассказала мне интересную вещь. После каждого кровопускания ей становится только хуже.

— Но это естественно! — Овальд всплеснул руками. — Всегда бывает хуже, но потом всё налаживается.

— Возможно, — не стал отрицать священник. — Но я подумал вот о чём. Что станет, если человека ударить ножом? Он умрёт, не так ли? От потери крови.

Лекарь нахмурился. Было видно, что ему не нравился этот разговор.

— Это другое! — убеждённо выдал он. — Веда Гвендо-

лина не теряет так много крови во время процедур, чтобы это стало для неё смертельным. Тем более что мы выпускаем только дурную кровь. С ней внутри ей всё равно будет плохо.

— Вы всегда можете отличить, какая кровь нормальная, а какая плохая?

Лекарь хотел ответить утвердительно, но вместо этого промолчал. Немудрено, ведь угадать точно было невозможно.

— Этот метод был разработан несколько веков назад! Он никогда не давал сбоев.

— Я не говорю, что от кровопускания нужно отказаться вовсе, — уступил священник. — Но может быть, в случае веды Гвендолины такое лечение только вредит? Подобное ведь может быть, не так ли? Наши тела похожи, но каждый человек — уникальное творение Создателя нашего. Я просто предлагаю рассмотреть для веды другой подход.

Лекарь всё ещё был сердит, но не стал кричать или резко всё отрицать. Вместо этого мужчина вновь взглянул в сторону Гвендолины.

— Вам действительно всегда хуже после процедур, веда? — спросил он её.

— Да, мессир. Каждый раз я ощущаю себя всё слабее. Мне кажется, будто сама жизнь вытекает из меня вместе с кровью.

Овальд не стал выяснять, почему она не сказала ему раньше, ведь пациентка каждый раз говорила об этом, но он отмахивался, зная, что такие симптомы были нормальными.

Даже сейчас он не верил, что кровопускание кому-то вредило. Этот метод давно доказал свою полезность, но если эти тёмные люди не хотели нормально лечиться, то кто он такой, чтобы переубеждать их?

— Хорошо, — сдался он. — Я оставлю вам несколько сборов. Заваривайте и пейте их три раза в день. Я прибуду на следующей неделе, тогда и посмотрим, как будут обстоять дела. Если станет хуже, — Овальд повернулся к кузнецу, — посылайте за мной немедленно.

Будь это только кузнец и его жена, он бы продолжил спор, но ругаться со священником он не собирался.

Покопавшись в сумке, Овальд достал мешочек и бросил его на стол.

— Пять серебряных монет.

Когда деньги оказались в его руках, лекарь последний раз окинул всех присутствующих взглядом и вышел из дома. При этом он подумал, что следовало доложить главе гильдии о том, что один из служителей обители Создателя решил вмешаться в их дела. Если не пресечь подобные действия на корню, то всё могло пойти слишком далеко.

Овальд придерживался мнения, что каждому надлежало заниматься тем, в чём он был компетентен. Лекарь должен был лечить, а священник — проповедовать. И никак иначе.

Глава 8

Когда дверь за лекарем закрылась, Валентина проверила лежащий на столе мешочек. Внутри оказалась сухая травяная смесь. От неё сильно пахло чабрецом.

Валя легко узнала запах, а всё потому, что её бабушка часто собирала это растение, а зимой заваривала для деда, когда у того обострялся хронический бронхит. Доставалось и тем, кто просто простудился.

Вероятно, лекарь думал, что у Гвендолины были проблемы именно с лёгкими. Вот только женщина совсем не кашляла.

Валентину заинтересовало ещё кое-что.

— Пять монет? — спросила она.

— Две за визит, три за... — кузнец кивнул в сторону мешочка, — это.

Этот факт показался ей очень интересным.

— Кухарки получают около трёх монет. Прачки примерно столько же. Служанки — пять, — перечислила она и добавила: — В месяц.

Расценки местных врачей явно были сильно завышены.

— Обучить даже одного лекаря — очень долгое и дорогостоящее занятие, — пояснил священник, догадавшись, о чём могла подумать Валя. — Кроме прямых обязанностей, вклю-

чающих распознавание болезней и способов их лечения, лекарей обучают чтению и письму. Чтобы научить всему этому одного человека, требуется не меньше десяти лет.

— Как это обычно происходит? — поинтересовалась Валентина. Воспоминания Валенсии были весьма ограничены. Девушка многое не знала о мире, в котором жила.

— Через систему ученичества, — ответил священнослужитель. — Когда приходит время, опытный лекарь находит себе ученика и заключает с ним контракт на обучение. Он берёт на себя ответственность за него и полностью его обеспечивает. Но после окончания контракта ученик должен будет десять лет отдавать часть заработанных денег учителю как плату за переданные знания и проживание.

— Девушек обучают? — уточнила Валя ради интереса и увидела, как священник покачал головой. — Почему?

— Негоже незамужней деве и мужчине находиться вместе столь длительный срок. Кроме этого, лекари часто бывают в чужих домах. Девам сложно посещать пациентов без мужского сопровождения, ведь среди них всегда могут попасться недобрые люди. Запрет возник лишь как мера защиты, не более того.

Валя посмотрела на священника со скепсисом. Что-то ей подсказывало, что дело было вовсе не в безопасности женщин, но говорить об этом она не собиралась.

Становилось понятно, почему Овальд так настойчиво пытался продолжить лечение. Он просто не хотел терять посто-

янного клиента, который приносил ему существенную прибыль.

После обеда все решили освежиться. Мылись здесь в доме, в большой деревянной лохани, в которой можно было только сидеть. Воду таскали из колодца, а затем часть нагревали на печи. Всё это занимало много времени, поэтому к моменту, когда последний из обитателей дома закончил мыться, наступил вечер.

На ужин Валя приготовила рагу из собранных корней и остатков курицы. Кроме этого, напекла лепёшек и сделала компот из ягод, яблок и ревеня. Для лечебного эффекта добавила ещё и крапивы.

Рожер так и не прикоснулся к оставленному лекарем мешочку. И Валю не просил приготовить из трав в нём отвар. Кажется, он полностью потерял доверие к местным врачевателям.

Спрыгнув с телеги, Гаспар повернулся к возничему.

— Постой пока тут, — попросил он. — Доплачу.

— Как прикажете, господин, — согласился мужчина и принялся озираться в ожидании.

Писарь, убедившись, что после окончания дела не придётся шагать до городского управления пешком, поправил дорожные одежды и посмотрел на строение перед собой.

Обитель Создателя была одним из самых высоких зданий в Клинраде. Она напоминала замок-крепость с четырь-

мя башнями, узкими окнами и решётками на входе. В опасные времена здесь могло укрыться довольно много жителей. Провизии в кладовых должно было хватить на годовую осаду. Кроме еды в обители имелось и два колодца. Один был на виду, а где находился второй, знал исключительно настоятель.

Оказавшись внутри, Гаспар остановился, ведь самостоятельно бродить по обители не разрешалось. Но ждать долго не пришлось. Вскоре дверь открылась и во двор шагнул один из служителей.

— Послание для настоятеля от его святейшества Алберика.

Монах не стал требовать подтверждения, ведь городского писаря все здесь знали.

— Следуй за мной, — тихо велел мужчина.

Внутри было темно. Редкие факелы едва освещали путь. Длинный петляющий коридор в конце концов вывел их в пустой холл, где было гораздо светлее благодаря окнам. Хоть они и были небольшими, дневной свет всё-таки пропускали.

— Подожди здесь, — попросил монах.

Гаспар кивнул и замер, наблюдая, как тот направился к ещё одной двери и постучал. Затем толкнул её и вошёл, но вернулся почти сразу.

— Входи, — пригласил монах и замер в стороне.

Настоятель сидел за большим деревянным столом, заваленным множеством различных книг и свитков. Это был

мужчина в годах. Редкие волосы и аккуратно подстриженную бороду давно покрывала седина. Его лицо испещряли морщины, но глаза по-прежнему оставались цепкими и внимательными. Одет он был в официальные чёрные одежды, а на груди у него покоился знак веры — крест, заключённый в круг.

— Мира и благодати, ваше пресвятейшество, — поздоровался Гаспар и поклонился, выказывая уважение.

Климент Амворский даже сейчас, будучи сосланным десятилетия назад новым королём из столицы в этот забытый богом угол, оставался весьма могущественным человеком. Не проявлять к нему уважения было опасно, а осторожный Гаспар предпочитал иметь хорошие отношения со столь неоднозначной фигурой.

— Мира и благодати, — отозвался настоятель и указал рукой на стул по другую сторону стола. — Я не вижу с тобой Алберика, — добавил он.

Гаспар не стал тянуть время и открыл сумку.

— Я как раз по этому поводу, ваше пресвятейшество, — произнёс он, доставая письмо. — Его святейшество остался в Камнесерде.

Подобное решение явно удивило настоятеля.

— Что стало тому причиной? — поинтересовался тот, бросая взгляд на протянутое письмо. — Полагаю, это от него?

— Да, ваше пресвятейшество, — откликнулся Гаспар. —

Он просил передать его вам.

Климент взял послание, но сразу не открыл, вместо этого попросил:

— Расскажи мне, как всё прошло.

Гаспар знал, что лучше не влезать в дела Амворы, поэтому подробно рассказал обо всём, что случилось в Камнесерде, не упуская ни единой мелочи.

После того как рассказ подошёл к концу, настоятель ещё какое-то время задумчиво молчал, а затем поблагодарил Гаспара и отпустил.

Как только дверь за ним закрылась, Климент взглянул на письмо, лежащее перед ним на столе. Недолго думая, он взял его и открыл.

«Да пребудет с Вами благословение Создателя нашего, Ваше Пресвятейшество, — прочёл он. — Пишу Вам, чтобы рассказать о деле, которое нам с Гаспаром было поручено.

Деревня была найдена. Получательница слова веды Ивонны, дочери лесоруба Эльбрана оказалась жива и здорова, что не могло нас не обрадовать. Воля ушедшей веды была озвучена и услышана.

Вы, наверное, задаётесь вопросом, почему я не вернулся, раз всё было улажено? Всё дело в наследнице. Её ясные глаза и черты лица напомнили мне о человеке, облик которого всё ещё хранится в наших сердцах.

Увидев её, я подумал о ребёнке, чья смерть казалась окончательной.

Надежда, вспыхнувшая в душе, не пожелала покидать меня, поэтому я решил остаться, чтобы узнать всё наверняка. Благо, повод нашёлся. Деве потребовалась помощь с наследством. Оно оказалось в крайне плохом состоянии.

Вернусь сразу, как только мне станет известно больше. Алберик.»

Когда каждая буква надёжно отпечаталась в памяти, Климент аккуратно положил бумагу на стол. После этого достал висящий на шее ключ и открыл ящик. Затем поднял второе дно, вытащил тщательно запечатанный деревянный тубус и, поколебавшись мгновение, открыл его и вынул свиток.

Ещё пару минут он сидел неподвижно, а потом всё-таки развернул пергамент. Оттуда на него взглянули знакомые глаза, нарисованные стойкими чернилами. Лицо, улыбка, ровная осанка — всё это, оказалось, он помнил очень хорошо.

Посидев в оцепенении ещё какое-то время, он спрятал портрет и, выбравшись из-за стола, направился к выходу. Вспомнив перед самым выходом о письме, вернулся и забрал его — Климент не мог позволить, чтобы кто-либо ещё прочёл эти строки. И пусть прошлое давно минуло и людей, замешанных в старых делах, рядом почти не осталось, рисковать не хотелось.

— Ваше пресвятейшество? — отреагировал на его появление ближайший служитель.

— Гаспар уже покинул обитель?

— Да, ваше пресвятейшество, — ответил человек. — Вернуть его?

Климент кивнул.

— Направьте его в мою келью.

Служитель поклонился и поторопился выполнить приказ.

Климент направился к своим покоям. Там он, поколебавшись, скинул официальные одежды, а вместо них надел самое простое одеяние коричневого цвета. Особый крест, выдающий его положение, он тоже снял, но оставить его не мог, поэтому аккуратно завернул в платок и спрятал в карман. После достал походную сумку и принялся собирать вещи.

Когда Климент закончил, в дверь вежливо постучали.

— Он вернулся, ваше пресвятейшество, — доложил отправленный за Гаспаром служитель.

— Позови.

Вскоре в келью вошёл писарь, не понимающий, почему его снова позвали.

— Ваше пресвятейшество?

Климент подозвал его и усадил на кровать — жесткую широкую лавку, поверх которой лежало шерстяное покрывало. Затем сел рядом.

— Поведай мне ещё раз о том, что увидел ты в Камнесерде, — попросил он Гаспара и добавил: — В мельчайших подробностях.

Если писарь и был удивлён такой просьбой, то никак этого не показал. Он лишь кивнул и пустился в рассказ, не за-

бывая добавлять множество мелочей, о которых раньше не стал упоминать.

Как только он закончил, Климент поднялся.

— Мне нужна твоя помощь, — произнёс он. — Ты не откажешь мне в ней?

Гаспар тоже встал.

— Вы можете просить о чём угодно, ваше пресвятейшество. Пока это не нарушает законы королевства и не порочит мою честь и совесть, я всегда помогу обителю Создателя нашего.

Климент остался доволен такими словами.

— Ничего предосудительного я не попрошу, уверяю, — заверил он. — Просто небольшая помощь одинокой деве. Не более того.

На следующее утро, когда все снова собирались идти к хижине в лесу, Гвендолина выглядела так, будто хотела что-то сказать, но не решалась.

— Всё в порядке? — поинтересовалась Валентина.

— Да, всё хорошо, — поспешила ответить женщина и опустила взгляд.

Рожер немедленно нахмурился. Положив на стол мешок с едой, собранный на обед, он подошёл к кровати.

— Нет, правда, — забормотала Гвендолина, не глядя на мужа. — Не обращайтесь на меня внимания. Просто глупости в голове. Идите, а то уже поздно.

Рожер даже не подумал двигаться с места. Он продолжал смотреть на жену пытливым и терпеливым взглядом. Спустя время та не выдержала.

— Ты такой упрямый, — упрекнула она мужа, но Валя слышала, что в голосе женщины на самом деле не было никакого недовольства.

— Просто скажи, — попросил кузнец. Подхватив тонкую кисть, он мягко погладил хрупкие пальцы, продолжая смотреть в её измождённое лицо.

Гвендолина ещё какое-то время сопротивлялась, а затем всё-таки сдалась.

— Я просто подумала, что могу... могу пойти с вами.

— Нет, — немедленно отказал Рожер. — Хижина далеко. Ты не дойдёшь.

— Вот поэтому я и сказала, что это глупости, — Гвендолина улыбнулась, но любой мог видеть, насколько дрожащей была её улыбка.

Её можно было понять. Учитывая, что здесь не имелось никаких развлечений, Гвендолину ждал скучный день в одиночестве.

— Вы можете понести её, — предложила Валя.

Рожер хмуро глянул на неё. Было видно, что он хотел отказать.

— Мы просто оденем её теплее, возьмём с собой одеяло, — продолжила Валентина. — Больным полезен свежий воздух.

Кузнец после долгих размышлений всё-таки согласился.

Спустя минут сорок Гвендолина, одетая в тёплую одежду и укрытая одеялом, лежала на руках своего мужа. При этом на спине кузнец нёс матрас, шкуру и палатку — грубо сшитые полотнища толстой мешковины, — которую Рожер смастерил для походов в лес. И пусть на улице не было настолько холодно, он явно не желал, чтобы его жена замёрзла.

Священнику вручили инструменты и мешок с едой, который пришлось пополнить из-за ещё одного члена их рабочего похода. Валя, в свою очередь, взяла пару подушек — пригодятся.

— Не тяжело? — робко спросила Гвендолина у мужа.

Валентина отвела от них взгляд и посмотрела на провожающего их Краха. Его отпустили, чтобы он охранял дом в течение дня. Было видно, что псу совсем не хотелось оставаться в одиночестве.

— Ты лёгкая, как пушинка, — прогудел Рожер.

Спустя некоторое время они добрались до места.

— Ох, великий Создатель, — выдохнула Гвендолина, когда увидела хижину. — Как же ты будешь жить здесь, дитя?

— Мы отстроим, — ответил вместо Вали Рожер и принялся осматриваться по сторонам.

— Вот тут хорошее место, — предложила Валентина, указав на два торчащих из земли валуна.

Кузнец оглядел предложенное место и согласился с тем, что оно подходило. Он сразу принялся искать, куда на время

посадить жену.

— Вот сюда, — сказала Валя и бросила на траву подушки. Пригодились.

Оказавшись без драгоценной ноши, Рожер быстро очистил место от лишнего лесного мусора. Затем натянул на вбитые с помощью кувалды длинные палки мешковину и накидал на землю свежесобранную растительность, а поверх неё положил шкуру и матрас.

Закончив, он подхватил жену на руки и перенёс в сооружённое укрытие. Валя передала ей подушки, чтобы подложить под спину.

— Удобно? — спросил Рожер, тревожно проверяя вбитые палки на надёжность.

— Всё хорошо, — Гвендолина улыбнулась — более ярко и светло. — Идите, занимайтесь своими делами. Ваше святейшество, давайте еду сюда. Я посторожу.

Священник передал сумку с припасами. После этого они с Валентиной оставили кузнеца с женой и принялись за дело. Вскоре и Рожер присоединился к ним.

Они увлеклись, методично расчищая пространство от зарослей. Свободного места становилось всё больше.

Валентина рассчитывала, что за сегодня они управятся, вот только спустя какое-то время их внимание привлёк испуганный вскрик, донёсшийся со стороны, где должна была отдыхать Гвендолина.

Глава 9

Взглянув в ту сторону, Валя замерла. Она сразу поняла, что именно вынудило женщину закричать. Недалеко от неё стояло несколько мужчин. Их внешний вид говорил о том, что связываться с ними не стоило. Это явно были те самые горные бандиты, которые наводили ужас на ближайшие деревни.

Сердце Валентины забилося чаще. Она быстро пересчитала людей. Двенадцать. Эта цифра заставила её встревожиться.

Сжав ручку серпа сильнее, Валя направилась в сторону Рожера и священника — оба мужчины уже вышли вперёд. Они выглядели хмурыми и настороженными.

— Кто это тут у нас, а? — спросил с ухмылкой один из незваных гостей.

Внешность мужчины выдавала, что он давно не мылся. Волосы его, длиной до плеч, были грязными и нечёсанными, зубы — жёлтыми, а одежда выглядела крайне потрёпанной и поношенной.

— Что вам нужно? — резко бросил кузнец. Бандит проигнорировал его и заглянул в шалаш. Гвендолина ахнула, но кричать не стала. — Не трогай её, — предупредил Рожер и сильнее стиснул топор, которым недавно срубал молодые деревца.

По сравнению с массивным кузнецом бандиты выглядели тощими и крайне слабыми. Они напоминали стаю крыс, которые собрались вокруг крупного кота, чтобы напасть.

— А мы что? — Разбойник взмахнул руками. — Мы просто шли, видим, хорошие люди делом заняты, дай, думаем, поможем. Правильно, братцы? — крикнул мужчина, обратившись к сотоварищам.

Ему сразу ответил нестройный гул.

— О какой помощи идёт речь? — спокойно поинтересовался священник, встав рядом с Рожером.

— Мира и благодати, ваше святейшество, — поздоровался с ним бандит. В его голосе прозвучали насмешливые нотки. — А какая вам нужна? — поинтересовался он.

— Нужно мусор убрать, пеньки выкопать, — будто ничего не случилось, принялся перечислять Алберик. Валентина недоверчиво на него посмотрела. — Ещё нужно будет хижину разобрать, потом деревьев на новые брёвна нарубить, собрать сруб, крышу поставить, покрыть. Полы внутри дома сделать, печь сложить. И ещё много чего по мелочи. Как видите, помощь нам действительно не помешает.

На поляне воцарилась тишина. Разбойник смотрел на него так, будто у того внезапно выросла ещё одна рука. Он явно не ожидал столь подробного списка дел.

— Ха! — выдохнул бандит, а затем в голос расхохотался. Было видно, что он расценил ответ как шутку. — Хорош, — похвалил он. — Только вот я о другой помощи говорил!

— О какой же? — задал вопрос священник.

— Ну как о какой? — мужчина резко успокоился. На его лице снова появилась злая ухмылка. — Знаете ведь, как трудно жить, когда где-нибудь под матрасом припрятаны деньги? Вечно приходится волноваться, как бы их кто-нибудь не украл. Такая жизнь очень тяжела. И тут на помощь всегда приходим мы! — Разбойник развёл руки в стороны и горделиво выпятил грудь. — В конце концов, когда нет денег, то и беспокоиться не о чем, не так ли, братцы?

— Не о чем, не о чем, — немедленно согласились его товарищи и весело засмеялись.

— Нет у нас денег, — заверил их кузнец.

— Нет? — спросил мужчина и посмотрел на Валентину. Она напряглась. — Жаль. Тогда могу предложить другую помощь. Мы можем избавить вас от лишней головной боли, которую всегда доставляют женщины.

На его лице появилась весьма однозначная улыбка.

— Ты их не тронешь, — с угрозой в голосе произнёс Рожер.

Ухмылка разбойника дрогнула.

— Почему же? — спросил он, прищурившись.

Рожер не стал больше ждать — он двинулся вперёд. Весь его облик излучал жажду убивать.

— Потому что я тебе не позволю, — прорычал он и резко ускорился.

Алберик, даже будучи священником, не стал проповедо-

вать о добре и зле. Он понимал, что дело было безнадёжным, поэтому вместо слов выбрал действия. В его руках оказалась лопата, которой он и принялся весьма искусно орудовать.

Один из бандитов кинулся в шалаш, и вскоре оттуда раздался громкий крик. Но кричала вовсе не женщина. Можно было только представить, что именно сделала Гвендолина с тем, кто напал на неё.

Сама Валентина не приближалась к сражающимся мужчинам, опасаясь помешать или получить случайный удар. Она принялась обходить драку стороной, желая пробраться к шалашу. Вот только в какой-то момент ощутила, как кто-то схватил её сзади.

Валя, не глядя, ударила серпом, который всё ещё держала в руке, и попыталась вывернуться, но силы оказались неравны. В итоге вскоре её рот был заткнут грязной тряпкой, руки и ноги связаны, а сама она лежала на плече рослого бандита, тащившего её куда-то в лес.

Валентина могла представить, что её ждало. И ей совершенно точно не хотелось проходить через подобное. Да и никто не гарантировал, что в конце её оставят в живых. Поэтому она то и дело извивалась, надеясь хоть как-то задержать похитителя. Вот только всё было бесполезно.

В какой-то момент мужчина остановился и бросил её прямо на землю. Валя сильно ударилась о торчавший из палой листвы сучок и застонала, свернувшись клубком. Тем самым она пыталась уменьшить боль. Но в следующий миг содрог-

нулась от сильного тычка.

— Что ты делаешь? — пробасил кто-то над её головой. Послышался глухой удар.

Валя всё-таки кое-как села и осмотрелась. Тот, кто совсем недавно нёс её, сейчас угрожающе нависал над лежащим на земле подельником.

— Она руку мне распорол! — крикнул бандит и тряхнул раненой конечностью перед носом напарника. Сквозь прорехи в лохмотьях виднелся кровоточащий порез. Видимо, её удар всё-таки нашёл свою цель.

— Переживёшь, — выдал здоровяк и тревожно посмотрел по сторонам. Затем его взгляд остановился на Валентине. — Будешь ёрзать — получишь, — пообещал он, показав внушительный кулак.

Валя застыла, пытаясь понять, что делать дальше. Сейчас убежать она не могла, а любая попытка помешать грозила новыми побоями. Оставалось только ждать удобного момента.

Она опустила взгляд, изобразив послушание.

— Молодец, — прогудел бандит, довольный ответом.

После этого он снова закинул её себе на плечо и двинулся дальше. Валя стиснула зубы, пытаясь перетерпеть кошмарный способ передвижения.

Спустя какое-то время к ним присоединились ещё несколько бандитов. Из их разговоров стало понятно, что с Гвендолиной всё было в порядке. Это навело Валентину на

тревожную мысль, что цель у разбойников была только одна — она сама.

Через некоторое время вдалеке послышались голоса. Постепенно они становились всё громче. И вскоре группа, в которой находилась Валя, вышла на поляну. Как только это произошло, со всех сторон до них донеслись громкие призывы.

Валентину снова сбросили на землю. Зашипев, она извернулась и села, быстро оглядываясь по сторонам.

Первое, что бросилось в глаза, — зев большой тёмной пещеры. На поляне перед ней полыхал громадный костёр, вокруг которого теснились уродливые кривые шалаши из веток и рваной мешковины. Возле костра валялись разного размера брёвна. Сидящие на них бандиты походили на потрёпанных птиц. Их вид намекал, что лёгкой жизнью похвастаться они не могли.

Услышав приближающиеся шаги, Валентина повернула голову и встретила со насмешливым взглядом человека, который в самом начале разговаривал с Рожером и священником. Кажется, это был предводитель.

— Вот так удача, — хмыкнул мужчина, присаживаясь на корточки перед Вале́й. — Дай-ка я тебе помогу.

После этих слов он протянул руку и вытащил кляп. Валентина вдохнула глубже, а затем выпалила:

— Кто ты и что тебе от меня нужно?

Услышав её вопрос, человек улыбнулся.

— Какая ты резкая, — выдал он. — Мне нравится.

Несколько бандитов рассмеялись, а ещё пара присвистнули.

— Моё имя Крачар, — представился он. — Неужели ты не знаешь, зачем мужчинам может понадобиться женщина?

Валя знала, но сомневалась, что эти люди действовали самостоятельно. Вот только человек перед ней рассказывать что-либо явно не собирался.

— Мы можем договориться? — спросила она на удачу.

Крачар удивился. Кажется, он не ожидал подобного вопроса.

Сев удобнее, он упёрся локтем в колено, а затем подпёр подбородок ладонью.

— Что именно ты предлагаешь? — поинтересовался он.

— Да она просто!.. — начал кто-то, но Крачар взмахнул рукой. Человек послушно замолчал.

Валентина удивилась тому, какой властью над этими бандитами обладал сидящий напротив мужчина. Ей даже стало интересно, чем было вызвано такое послушание. Что-то подсказывало, что дело было вовсе не в физической силе. Всё-таки Крачар не выглядел особо сильным.

— Говори, — ласково обратился он к ней. — Никто больше нам не помешает, — в его словах звучала угроза, явно направленная на людей рядом.

— Вы меня не трогаете, а я буду готовить вам, стирать и следить за чистотой вашей... — Валя замолчала и окинула

взглядом поляну. Везде виднелись кости, какие-то клочки ткани, комки грязи, камни, ветки и прочий мусор, — стоянки.

Крачар посмотрел на неё насмешливо. Казалось, его совершенно не впечатлило предложение, но и отказывать сразу он не стал.

Валентина покосилась на других мужчин. Несколько человек открыто насмехались. Их явно привлекали другие вещи. На лицах остальных можно было заметить заинтересованность. Идея иметь в своей власти женщину, которая будет обслуживать их в бытовом плане, похоже, казалась им весьма заманчивой.

— Глава, — осторожно обратился к Крачару здоровяк, который нёс Валю на плече, — это хорошая идея.

— Эй! Я ходил за ней не для того, чтобы она для меня готовила! — возразил мужчина с распоротой рукой. — Она мне руку порезала! Я должен отомстить!

Крачар вновь взмахнул рукой. На поляне тут же стало тихо.

— Мне нужно подумать, — произнёс он, когда все замолчали.

Оглядев Валентину повторно, Крачар встал и подошёл. Валя напряглась. И не зря, ведь в следующий момент он схватил её за волосы на затылке и потянул. Она невольно ахнула от боли, вскоре ощутив, что в рот ей вновь сунули вонючий кляп.

— Пока я думаю, ты немного отдохнёшь, — сказал Крачар и заставил её встать. Затем приказал здоровяку: — В гостевую.

Высокий бандит кивнул и, подхватив Валю на руки, потащил к одному из шалашей.

— Не бойся, — прогудел он. — Твоя идея ему понравилась.

Валентина скептически посмотрела на него.

Когда они добрались до шалаша, бандит протиснулся внутрь и положил Валю на землю. На этот раз он действовал осторожнее.

— Отдыхай, — предложил он.

— М-м-м, — промычала Валя, состроив жалобный вид, но мужчина на это только покачал головой.

— Извини. Крачар снесёт мне голову, если я развяжу тебя.

Когда он вышел, полог палатки опустился. Внутри сразу стало темно.

Валя надеялась, что с Рожером и остальными всё было в порядке. Её они вряд ли найдут, да и станут ли искать? Она никому из них не была родственницей. Мало кто захочет рисковать жизнью ради постороннего человека.

— Ты обещал мне, — услышала она приглушённый голос. Валя прислушалась.

— Её идея хороша, — лениво заметил Крачар.

— Уговор был не об этом, — снова прошипел кто-то.

Валентина напряглась и неуклюже поползла ко входу. Ей

очень хотелось посмотреть, с кем разговаривал Крачар.

Кое-как добравшись до цели, она выглянула наружу. Почти сразу её взгляд остановился на знакомой фигуре.

Ивар.

Всё встало на свои места.

По воспоминаниям Валенсии, дядюшка всегда выглядел неконфликтным человеком. Мало кто мог заподозрить такого в связи с горными бандитами.

Обычно в доме всем заправляла Иглена. За громкой женой Ивар почти не был замечен. Он держался настолько тихо, что о нём иногда и вовсе забывали. Но Валентина помнила его взгляд, когда стало понятно, что Иглена проиграла и их семье придётся выплачивать долг. Уже тогда она подумала, что глаза у мужчины были слишком холодными и пугающими.

Ивар работал извозчиком — управлял повозкой с двумя быками и перевозил людей из ближайших деревень в город и обратно. Желающих хватало, ведь не все могли позволить себе купить или даже просто снять дом или комнату в Клинраде.

Чаще всего его услугами пользовались те, кто хотел торговать. Люди, стремясь заработать хоть пару медных монет, везли в город всё, что можно было продать.

Из-за своей профессии Ивар давно должен был пострадать от рук бандитов. Но он работал годами, и никто его не трогал. Именно поэтому его нанимали с большой охотой.

Валентина понятия не имела, была ли Иглена в курсе, но интуиция подсказывала, что тётушка не могла не знать.

Сейчас Ивар стоял рядом с Крачаром. При этом дядюшка что-то пытался втолковать бандиту, а тот просто улыбался. Впрочем, взгляд его с каждой секундой становился всё тяжелее.

— Я сказал, что мне надо подумать, — почти по слогам произнёс главарь бандитов.

Ивар запнулся, а затем отрывисто кивнул и отошёл в сторону. Валентина видела, как сильно при этом дядюшка сжимал кулаки. Он бросил в сторону палатки, в которой она лежала, взгляд, полный гнева. После этого развернулся и направился куда-то в сторону, исчезая из виду.

Валентина сжала тряпку зубами. Становилось ясно, что Ивар её уж точно не отпустит. Он явно не собирался платить какие-либо долги. Ему будет проще, если Валя сгинет в этом лагере навечно.

Ей нужно было выбраться отсюда, чтобы...

— Эй, ты в порядке?

Валя вздрогнула. Внезапно прозвучавший рядом голос напугал её.

Глава 10

Повернув голову, Валентина посмотрела в глубину палатки. В дальнем углу кто-то пошевелился. В темноте она смогла рассмотреть лишь силуэт, но, судя по голосу, это был ребёнок — девочка.

— Тебе нужна помощь?

— М-м-м, — согласилась Валентина.

— Не двигайся, — повелительным тоном потребовали у неё.

Валя замерла. К её лицу приблизилась тонкая рука, и вскоре кляп был вытащен.

— Спасибо, — шёпотом поблагодарила она девочку. Говорить громче Валя опасалась, не желая привлекать внимание бандитов. — Ты можешь развязать меня?

Ей многое хотелось узнать, но Валентина умела расставлять приоритеты. Сначала следовало освободиться, а потом найти возможность сбежать.

— Повернись, — раздался ещё один приказ. Валя перекашлялась на бок. — Затянуты туже, чем были мои, — пробормотала девочка через пару минут.

Со стороны улицы донёсся взрыв хохота. Они замерли. Валентина очень надеялась, что Крачар будет думать как можно дольше. Настолько долго, что к моменту, когда он решит, кем хотел видеть свою пленницу, они смогут убраться

отсюда подальше.

Ничего не получалось. Верёвки оказались затянуты настолько туго, что сил девочки не хватало. Валя пыталась хоть как-то помочь, но всё было бесполезно.

В какой-то момент они слышали шаги. Кто-то направлялся к ним!

— Спрячься, — прошипела Валя. Девочка метнулась в угол, в котором прежде сидела. — Подожди. Кляп.

Вонючая тряпка заняла прежнее место. Правда, девочка не стала запихивать её слишком глубоко, поэтому Валентине пришлось придерживать кляп зубами.

— Стой, — услышала она тихую, но отчётливую команду Крачара. Шаги остановились. — Я запрещаю трогать её до тех пор, пока не решу, что с ней делать.

— Но, глава... — послышался недовольный мужской голос. Кажется, он принадлежал человеку, которого Вале удалось поранить серпом. — От неё не убудет.

— Ты хочешь поспорить со мной? — поинтересовался Крачар. — Или, может быть... ты хочешь бросить мне вызов?

Некоторое время мужчина не отвечал, а затем противно засмеялся. Стало понятно, что он сдавал позиции.

— Я просто хотел проверить, как она там.

— Конечно, — согласился Крачар.

Вскоре оба ушли.

Валентина выдохнула и выплюнула тряпку. Девочка снова

оказалась рядом. В этот раз она занялась верёвками молча.

Время текло мучительно медленно. Минута, вторая, третья...

В какой-то момент Валя ощутила, как давление на руках ослабло. Она замерла, не до конца поверив, что свобода близка.

— Готово, — тихо произнесла девочка.

Валентина подавила желание радостно крикнуть.

— Очень хорошо, — сказала она вместо этого и похвалила спасительницу: — Ты молодец.

— Ничего особенного, — пробормотала та.

С ногами тоже пришлось повозиться, но спустя время узлы всё-таки поддались.

— Спасибо, — поблагодарила Валя девочку. Та только фыркнула, но ничего не сказала. Кажется, у кого-то был непростой характер. — Теперь давай посмотрим, сможем ли мы отсюда сбежать, — пробормотала она, подползая ближе к входу.

Бандиты занимались делами.

Один складывал хворост в центре, видимо, намереваясь разжечь костёр. Другой потрошил какого-то мелкого зверька неподалёку. Третий точил нож рядом. Порезанный сидел на одном из брёвен и занимался раной.

Увидев, как человек вытирает кровь грязной тряпкой, Валентина помолилась за него. Будет чудом, если рана не воспалится и не загноится.

Крачар находился ближе всего к пещере. Он сидел на груди каких-то мешков и ковырялся в зубах кинжалом. Его взгляд время от времени останавливался то на одном бандите, то на другом. В сторону палатки он тоже смотрел, но без особого энтузиазма.

Опустив край полога, Валентина осмотрела их место заключения.

— Ты можешь не беспокоиться, — властно произнесла девочка. — Скоро меня найдёт отец. Нам нужно просто подождать.

Валя не собиралась ждать. Крачар в любой момент мог решить, что больше заинтересован в её теле, чем в предложенных услугах по уходу за стоянкой. После будет поздно сожалеть о том, что она была слишком осторожной, чтобы начать действовать вовремя.

— И кто у нас отец? — с лёгким интересом поинтересовалась Валентина, подползая к другой стороне шалаша.

В самом низу она раздвинула сложенные ветки, а затем аккуратно приподняла ткань, выглядывая наружу.

Между ними и лесом имелось некоторое расстояние, но если преодолеть этот участок, то можно было скрыться за кустами. Придётся действовать очень тихо и осторожно, иначе треск веток привлечёт внимание бандитов.

Прямо сейчас убежать они не могли, ведь отрезок между шалашом и лесом хорошо просматривался с поляны — стоит кому-нибудь бросить в их сторону взгляд, как побег бу-

дет замечен. Они могли только ждать ночи, чтобы воспользоваться темнотой.

— Герцог Драгор Скальнор, — отозвалась девочка.

— Ага, герцог, понятно, — рассеянно кивнула Валя.

Наверное, им следовало пойти к кустам, расположенным слева. Там виднелся небольшой зазор снизу, в который получится протиснуться. Ночью в лесу, конечно, было опасно. После того как они отойдут подальше от лагеря, следовало забраться на какое-нибудь дерево и переждать до утра, а дальше...

Мысли Валентины остановились.

Опустив ткань, она обернулась.

Ей не послышалось?

— Твой отец... герцог? — переспросила Валя.

— Я так и сказала, — фыркнула девочка.

Валентина была сильно удивлена. Нет, она подозревала, что вторая пленница могла быть дочерью кого-то важного, но и подумать не могла, что отцом окажется настоящий герцог!

В этой стране их было всего четверо. Ровно по одному на каждую сторону света. В центре королевства восседал король.

Скальнор был герцогом севера. Собственно, в северной части королевства они сейчас и находились.

Валенсия мало знала о правителях земель. Жители Камнесерда никогда не соприкасались с такими высокопостав-

ленными людьми. Единственная связь, которая у них была, — это ежегодная уплата налогов. Но и тогда селяне взаимодействовали лишь со сборщиками.

Валя напрягла память, пытаясь вспомнить о герцоге хоть что-нибудь, но всё было бесполезно. Кроме имени она помнила только то, что властитель этих земель обычно жил в столице, в Каминоре.

— Что ты тут делаешь? — спросила Валентина.

— Очевидно, меня похитили, — с сарказмом ответила девочка.

— Я имела в виду Камнесерд. Разве вы с отцом не должны быть сейчас в столице? — спокойно пояснила Валя, не обращая никакого внимания на ёршистость ребёнка. Такое поведение вполне могло быть обусловлено положением, в котором они сейчас находились.

— Спроси у него! — резко ответила девочка и фыркнула, как рассерженная кошка.

Валя предположила, что между ними произошёл какой-то конфликт.

— Ты не хотела сюда приезжать, не так ли?

— Кто захочет ехать в такую глушь? — недовольно буркнула девочка и фыркнула, словно ёжик.

— И как им удалось выкрасть тебя из-под носа его светлости? — задала Валя ещё один вопрос.

— Я просто... вышла прогуляться, — неуверенно пробормотала та.

— Ты поругалась с отцом, сбежала и где-то по пути тебя похитили, верно?

В шалаше повисла тяжёлая тишина. Нетрудно было догадаться, что догадка оказалась верной.

— Не говори так, будто всё понимаешь, — категорично заявила девочка после долгого молчания. — Я уже сказала, что просто вышла погулять.

Валентина улыбнулась.

— Конечно, — согласилась она.

— Я говорю правду!

— Верю, — Валя всё ещё не собиралась спорить.

— Ты!..

— Тише, — прервала её Валентина. — Не стоит привлекать внимание.

Ребёнок фыркнул, но замолчал.

Валя некоторое время сидела неподвижно, прислушиваясь к звукам снаружи, а потом поспешила разобрать путь к свободе.

Тот, кто строил это укрытие, не пытался сделать его надёжным. Ветки, никак не закреплённые, были просто навалены одна на другую. Приходилось действовать с особой осторожностью, иначе вполне можно было всё обрушить.

Проделав лаз, Валентина прикрыла его обратно мешковиной, а сама вернулась к входу, решив понаблюдать за разбойниками.

Вскоре она заметила, что чем темнее становилось на ули-

це, тем чаще бандиты смотрели в сторону их шалаша. Казалось, что напряжение среди них постепенно росло. Это не могло означать ничего хорошего.

Видимо, Крачар не принял её предложение и ждал ночи, чтобы повеселиться. В противном случае он уже давно должен был дать ответ.

— Я ходил вчера! — внезапно крикнул один из бандитов. Валя сосредоточилась.

— А я позавчера! — парировал второй. — Значит, сегодня идёшь ты.

— С чего бы это? — взвился первый, а затем без лишних слов бросился на противника. — Н-на!

Его кулак почти угодил в лицо, но второй слегка сместился в сторону, отчего первый промахнулся и полетел вперёд. На пути его ждал удар под дых. Скрючившись, первый упал.

— Вот поэтому, — выплюнул второй.

Он презрительно хмыкнул и развернулся, желая гордо уйти, но в следующее мгновение первый кинулся на него и повалил.

Они завозились в пыли, а остальные бандиты, улюлюкая, подошли ближе, образовав круг, и принялись подбадривать то одного, то другого.

— Наш шанс, — шепнула Валентина.

Она бросила последний взгляд на Крачара, который по-прежнему восседал среди мешков, словно король, наблюдающий за устроенной своими людьми забавой, а затем отполз-

ла от входа и быстро приблизилась к разобранной стене.

— Мы уходим? — тихо спросила её маленькая соседка.

— Да, — ответила Валя и отодвинула мешковину в сторону. — Выбирайся. Пригнись и беги к тем кустам. — Она показала пальцем в нужную сторону.

Девочка молча юркнула в открытый для неё проход.

В тусклом свете угасающего дня было видно, что на ней было надето бархатное платье бордового цвета. Но самым примечательным, пожалуй, были две длинные ярко-рыжие косы. Сейчас они выглядели изрядно потрёпанными. Лица Валя не успела заметить — видела её только со спины, а в самом шалаше было слишком темно.

Вскоре девочка достигла нужного места и шмыгнула между кустами, теряясь среди тёмной листвы.

Не став медлить, Валентина тоже выползла наружу и сразу бросилась вперёд, стараясь двигаться быстро и тихо. В себя она пришла, только оказавшись в глубине кустов. Уже там Валя огляделась, но никого рядом не заметила.

— Ребёнок, ты где? — позвала она тихо.

Тёмные кусты рядом раздвинулись.

— Меня зовут Аурелия Солейна Скальнор, — прошептала девочка. — Я не ребёнок! Обращайся ко мне госпожа Аурелия!

После этой вспышки они обе замерли, прислушиваясь, но лес вокруг оставался тихим.

— Очень приятно. Моё имя Валенсия, — представилась

Валя в ответ.

Стоило её словам затихнуть, как со стоянки бандитов до них донёлся особенно громкий крик. Сердце Валентины дрогнуло. Почему-то она была уверена, что их побег был обнаружен.

Ощувив прикосновение, Валя взглянула вниз. Девочка, схватив её за руку, напряжённо смотрела в сторону лагеря. Несмотря на поведение, она явно была напугана.

— Идём, — прошептала Валентина, принимаясь выбираться из кустов.

Оказавшись на менее заросшем пространстве, они, недолго думая, поспешили прочь. Но в лесу быстро темнело, поэтому вскоре стало понятно, что дальше бежать было попросту опасно. В любой момент кто-нибудь из них мог споткнуться о корягу или подвернуть ногу, наступив в яму.

— Подожди, — сказала Валя и остановилась.

Отдышавшись, она поморщилась, чувствуя, как саднили царапины на лице и руках. Даже на голове были ссадины. Цепкие ветки так и норовили застрять в волосах, откуда их приходилось почти выдирать. Пару раз подобного обращения удостаивались и юбки. Теперь её подол в нескольких местах был изорван.

Валентина прислушалась. Было тихо, но при этом чужое внимание словно заползало под кожу, заставляя то и дело оглядываться по сторонам.

— Мы не можем идти дальше, — подытожила она. — Это

опасно.

— Они нас не догонят?

— Будем надеяться, что нет, — ответила Валя и принялась искать место для их будущего ночлега.

Вскоре подходящее дерево нашлось. Подсадив сначала девочку, Валентина залезла следом. Она понимала, что оставаться на нижних ветках было глупо, поэтому они с Аурелией продолжили подъём.

— Здесь, — в какой-то момент произнесла Валя и привалилась спиной к стволу. От напряжения потряхивало. Она устала, хотелось есть и пить, но приходилось мириться с обстоятельствами. — Сядь ближе.

Аурелия поколебалась, но всё-таки сделала, как ей сказали.

— Можешь поспать, я буду держать тебя.

— Я не хочу спать, — последовал ответ.

Валентина не стала настаивать.

Постепенно в лесу становилось более шумно. Кажется, до этого момента всех живых существ распугала их возня. Сейчас, когда они затаились на дереве, ночные жители продолжили заниматься своими делами.

В какой-то момент Валя услышала тихое сопение. Аурелия, несмотря на недавнее заверение, уснула.

Минуты текли медленно. Тьма вокруг нервировала. Точнее, то, что скрывалось в ней. Валентина слышала, как мимо их дерева изредка пробегали какие-то мелкие зверьки. Пару

раз вдалеке ухала хищная птица. Со всех сторон то и дело раздавались шорохи, пiski и скрежет.

Услышав, как на некотором расстоянии от дерева треснула сухая ветка, Валя сначала не придавала этому большого значения. Но спустя время пришлось признать, что к ним приближался кто-то более крупный, чем простые зайцы или лисы.

Валя насторожилась и задержала дыхание, будто опасаясь, что ночной гость их услышит.

Треск раздался ближе, следом послышалось фыркание. Несомненно, это был какой-то крупный зверь. Кто именно к ним пожаловал, видно не было, но казалось, что их запах как привлекал, так и раздражал его.

Хотелось верить, что животное не полезет за ними. Единственное, что в таком случае она могла придумать, — это подняться выше. Зверь явно был массивным, вряд ли он доберётся за ними до самой верхушки.

Послышался стук, потом скрежет. Звучало так, будто животное точило когти о ствол.

Сердце Валентины забилось часто и неровно. Она была рада, что Аурелия уснула. Не хотелось, чтобы ребёнок напугался.

Вдалеке внезапно завывли. Животное под деревом затихло, насторожившись. Через пару минут Валя слышала треск веток под массивными лапами. Вскоре кусты в стороне затрещали.

Валентина выдохнула, ощущая, как напряжение, сковывавшее её, медленно отпускает.

Ушёл.

Всю ночь она настороженно прислушивалась и замирала, когда до неё доносились какие-нибудь подозрительные звуки, но, к её облегчению, никто опасный к ним больше не приходил.

Как только стало светать, она поняла, что пора идти. Интуиция подсказывала, что разбойники пойдут по их следу сразу, как только представится возможность.

— Что? — сонно спросила Аурелия, когда Валя растолкала её.

Было удивительно, как крепко спала девочка, учитывая общую обстановку и то, где она находилась и с кем. Всё-таки, Валентина была для неё совершенно чужим человеком.

— Пора идти, — тихо произнесла Валя, наблюдая, как сонливость медленно соскальзывает с покрытого бледными веснушками лица.

Услышав её слова, девочка отстранилась и огляделась. Мягкое выражение лица быстро сменилось хмуростью.

С дерева они спустились без проблем и повреждений. Пару раз, правда, подолаы платьев застревали в ветвях, но ничего критичного не произошло.

Сама Валя не слишком хорошо ориентировалась в лесу, но на помощь пришли воспоминания Валенсии. Раньше девушка часто бывала в горах — в этом месте она провела по-

ловину жизни.

Здесь девушка собирала корни, ягоды и растения. Одну часть сразу ели, вторую сушили на зиму, третью продавали в городе на рынке. Кроме этого, осенью Валенсия начинала заготавливать дрова на зиму. Ей приходилось не только самой срубить и пилить ветки, но и носить их в деревню.

Валентина покачала головой.

Иглена была на редкость глупа. Ей следовало холить и лелеять такого трудолюбивого человека, как её племянница, а вместо этого тётка только и делала, что грызла девушку, попрекала лишним куском хлеба и всячески унижала.

Благодаря тому, как много времени при жизни Валенсия проводила за пределами деревни, сейчас Валя могла с уверенностью сказать, в какой стороне находился Камнесерд. Именно туда они и направились.

В какой-то момент Валя ощутила прикосновение к руке. Опустив взгляд, поняла, что Аурелия пыталась привлечь её внимание.

— Есть хочу, — пояснила девочка.

Валя окинула окрестности быстрым взглядом.

— Потерпи немного, — попросила она. — Скоро будем в деревне. Там нас накормят.

Аурелия нехотя согласилась.

Буквально через пятнадцать минут они наткнулись на куст с чернеющими на нём съедобными ягодами.

— Их можно есть, — сверившись с воспоминаниями,

убеждённо выдала Валя.

Девочка с недоверием оглядела куст, но всё-таки сделала шаг вперёд. Однако насладиться спелыми ягодами ежевики им не дал послышавшийся вдалеке отчётливый собачий лай.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.